

Государственный мемориальный историко-литературный музей-
заповедник Ф.И. Тютчева «Овстуг»

Научно-практическая конференция
**«Осмысление наследия
Ф.И. Тютчева в ХХІ веке»**

Избранные материалы

с. Овстуг
18 сентября 2020 г.

Нифагина Наталья Николаевна,
канд. филол. наук, специалист по связям с общественностью отдела
информационной политики и работе с общественностью ФГБОУ ВО
«Брянский государственный инженерно-технологический университет»
(Брянск).

В поисках портретов Ф.И. Тютчева.

Диссертация «Личность Ф.И. Тютчева в изобразительном искусстве» началась с гравюры М.С. Харламова «Ф.И. Тютчев». Здесь Тютчев не похож на свои изображения. Улыбается, густая шевелюра, но именно с нее начался поиск изображений Тютчева русскими художниками.

В прижизненной иконографии Фотографы и художники изображали Тютчева таким, каким они себе его представляли. Они с ним были знакомы, разговаривали, знали, кто он и что из себя представляет. Сложнее пришлось художникам, которые изображали Тютчева по имеющимся портретам. Зато на эти портреты выражали и социальные изменения в стране, и отношения самих художников к творчеству поэта. С годами, когда появились музеи и начали раскрываться архивы, появились психологические портреты Тютчева.

В последний год жизни Тютчева содружество литераторов решило, что «неплохо было бы иметь портрет старика Тютчева». Поговорили с И.Е. Репиным, тот был не против. Два раза приезжал к Тютчеву на дачу в Царское Село, но попадал неудачно. У Тютчева был удар, вокруг суеились родственники, разговор на немецком языке. Репин посмотрел фотографию Тютчева и заметил, что «Лицо интересное», и уехал за границу.

После смерти Тютчева, в 1876 году портрет взялся нарисовать по фотографии Денъера Степан Федорович Александровский. Когда портрет был готов, он не сразу отправил портрет заказчику, а пригласил людей, которые были знакомы с Тютчевым. Те нашли, что в портрете есть сходство с покойным. Но когда портрет увидел Крамской, он сказал, что это «большая и хорошая фотография, покрытая одной охрой и только».

Портрет долгое время хранился в архиве Третьяковской галереи и впервые воспроизведен на обложке книги Г. Чагина «Федор Иванович Тютчев». Оттуда я его и скопировала.

В общем, все живописные портреты Ф.И. Тютчева можно разделить на две части: портреты выполненные с фотографий Г.И. Денъера и С.Л. Левицкого и жанровые картины, где присутствует изображение Ф.И. Тютчева.

Только через 35 лет, в 1911 году художница Мария Градовская, будучи близким другом семьи Николая Ивановича Тютчева, нарисовала миниатюрный портрет Тютчева. Портрет хранится в Мураново. Собственно, он никогда не появлялся в книгах как иллюстрация. Небольшой по величине 6.2 x 5 см выполнен тонкой кистью. Мы поехали в Мураново после пожара, и Татьяна Петровна прислала мне копию портрета. Так он появился в диссертации.

Тогда же я купила альбом художника Николая Николаевича Вышеславцева (Николай Николаевич Вышеславцев: художник Серебряного века. 2—5. СПб).

Все эти портреты выразители старой школы реализма. Вышеславцев - мастер рисунка. Родился в 1890 г. Мать - дворянка, отец - агроном. Учился в Париже в художественной школе. Написал портреты Цветаевой, Белого, Ходасевича, балерины Семеновы. Нарисовал 2 портрета Тютчева в 1937 году. Рисунки хранятся в музее-усадьбе «Мураново» им. Ф.И. Тютчева. Широкой публике эти портреты неизвестны.

После открытия музея-усадьбы «Овстуг» портреты стали рисовать и брянские художники. Всем известны работы Владимира Петровича Черкаса, который много лет посвятил изображениям Тютчева.

Работы художников ленинградских реставрационных мастерских Бориса Михайловича Бельтюкова и Виктора Алексеевича Литвинова выполненные в 1984 г. по заказу Брянского краеведческого музея украшают залы нашего музея.

Время шло, менялись стили и направления в развитии живописи. «Суровый стиль» был присущ художникам послевоенного времени. Примером этого направления в портрете 1960-1980 гг. является портрет Тютчева, выполненный братьями Ткачевыми. Послевоенное восстановление страны нашло отражение в их картинах. Поэтому портреты братьев Ткачевых показывают людей волевых, целеустремленных, суровых. Портрет подарен музеем усадьбе «Овстуг».

В такой же манере выполнен портрет Тютчева Евгением Николаевичем Воскобойниковым в 1999 году. Находится в Брянской школе № 9, носящей имя Тютчева.

В двухтысячные годы поменялся стиль изображения. Художники все больше склонялись к психологическому портрету. Поэт-трибун утратил свою актуальность. Приближался 200-летний юбилей Тютчева и Тютчева стали изображать у себя на родине.

Так портрет Тютчева написанный в 2002 г. Михаилом Васильевичем Шмыровым относится к психологическому портрету. Хранится в музее-усадьбе «Овстуг».

Сергей Николаевич Ишков изобразил Тютчева и его жену среди природы Овстуга. Портрет находится в экспозиции музея-усадьбы «Овстуг».

Михаил Сергеевич Решетнев в 2003 году тоже изобразил Тютчева в усадьбе в окружении любимых предметов. Хранится у автора.

Вячеслав Александрович Машин создал триптих «Юность», «Как наше слово отзовется» и «Воспоминание». Эти картины находятся в экспозиции музея-усадьбы «Овстуг».

Евгений Васильевич Фетисов в 2003 году изобразил Тютчева у шлагбаума, в очередной раз уезжающего из Овстуга.

Видно, что художники знакомы с творчеством и биографией поэта. Книжная иллюстрация всегда была связана с изображением поэта. И если художники писали портреты Тютчева с большими временными

промежутками, то в журналах портрет Тютчева появлялся чаще. Издавались сборники стихов поэта, его биография. Правда, изображения поэта ограничивались 2-3 фотографиями. Но после работ исследователей тютчеведов, появился широкий круг изображений поэта. Московский художник Юрий Валентинович Иванов в 2003 году в роман-газете «Путеводная звезда» № 10 поместил на обложке портрет Тютчева. Я нашла этот журнал в Государственной библиотеке им. Ленина в Москве.

Очень интересна работа московского художника Федора - Владимировича Домогацкого написанная в 2003 году к юбилею. Этот рисунок хранится в семье Домогацких, где дед — известный скульптор, сын-художник, внук — график. И каждый из них имеет свою интересную манеру изображения. Была в семье, они мне и дали копию этого рисунка.

Я собирала эти рисунки до 2007 г. в Брянске, Москве, Ленинграде. А сколько интересных графических изображений Тютчева. И каждый художник видит своего Тютчева. А сколько изображений Тютчева по всей России. Тютчев принадлежит всему миру. Я даю только возможность продолжить эту работу.

Шевердин Виталий Анатольевич,
старший научный сотрудник ГАУК «Государственный мемориальный
историко-литературный музей-заповедник Ф.И. Тютчева «Овстуг»
(Брянская область).

Ф.И. Тютчев и И.С. Аксаков.

Возвращаясь в Москву из Овстуга осенью 1846 года, Тютчев по дороге заехал проведать А.О. Смирнову-Россет, одну из умнейших и интереснейших женщин того времени, муж которой служил тогда губернатором города Калуги. Рассказывая об этом в письме жене, поэт упоминает и об И.С. Аксакове, который «состоял при г-же Смирновой».

Двадцатитрехлетний Аксаков служил тогда товарищем председателя калужской уголовной палаты и в свободное время исполнял роль секретаря при столь известной женщине, другу многих поэтов и писателей, которой они даже посвящали свои произведения. Не минул этой «участи» и молодой Аксаков, также написавший Александре Осиповне свое стихотворение «Вы примиряетесь легко...».

К моменту знакомства в 1846 году с Тютчевым Аксаков окончил закрытое привилегированное учебное заведение – училище правоведения в Петербурге. Потом он работал в Сенате, проявил себя на редкость работоспособным и исполнительным чиновником. Смелые суждения Ивана Сергеевича о существующих порядках дали даже повод администрации обвинить его в политической неблагонадежности. Широта суждений, незаурядность молодого человека сразу понравились Тютчеву и между ними, несмотря на разницу в возрасте, установились теплые отношения.

Иван Сергеевич даже решился попросить взять на себя труд передать его стихотворение, посвященное Смирновой Вяземскому. Федор Иванович, прочитав его, с удовольствием согласился. И уже потом, посылая его Вяземскому, Тютчев в приписке даёт лестный отзыв стихотворению: «Действительно, стихи никогда ничего другого не доказывали, кроме большего или меньшего таланта их сочинителя. То же самое начинает быть верным и для прозы». Знакомство двух этих замечательных людей, переросшее в дальнейшем в тесную дружбу и даже родство, оказало на обоих большое благотворное влияние.

Около пяти лет потом они почти не встречались, но с самого начала пятидесятых годов Тютчева и Аксакова всё более сближает единомыслие во взглядах. И тот, и другой, не принадлежа к стоящей у власти чиновничьей верхушке, в то же время очень трезво оценивают создавшуюся в это время невыносимую обстановку в России и как честные люди и патриоты своей родины, они не могут об этом молчать.

Несмотря на молодость, приоритет здесь принадлежал И.С. Аксакову. Сначала в письмах к родным и друзьям он выступает с критикой крепостного права, высказывается по поводу несовершенности административного аппарата, о своей оппозиции к режиму Николая I. А впоследствии, став редактором целого ряда московских периодических изданий, Иван Сергеевич

многие эти свои мысли излагает и на страницах газет и журналов, за что неоднократно страдает. Его даже называли «страстотерпцем цензуры всех эпох и направлений».

Здесь его во многом поддерживал, давая умные советы, Ф.И. Тютчев, получивший во второй половине 50-х годов в Петербурге пост председателя комитета иностранной цензуры. Федор Иванович, со своей стороны имея большой опыт дипломатической работы и хорошо зная соотношение сил в Европе, пытается предугадать назревающую военную обстановку, критикует при этом политику царизма перед самым началом позорной Крымской войны. Предчувствуя надвигающиеся события, он сравнивает свои ощущения с ощущением человека, запертого в карете, которая «катится по всё более наклонной плоскости» и вдруг замечающего что, «на козлах нет кучера».

А вот как, совершенно не стовариваясь, они отметили смерть царя и его роль в поражении России в Крымской войне. И.С. Аксаков в письме к писательнице Н.С. Кохановской писал: «Я считаю его ... умнейшим человеком, служившим верою и правдой своим убеждениям фельдфебельским...; я считаю Николая Павловича просто душегубцем: никто не сделал России такого зла, как он».

Тютчев же отметил это «событие» беспощадной эпиграммой-эпитафией, которая хранилась в семейном альбоме:

Не богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые,-
Всё было ложь в тебе, всё призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.

Тютчев составляет для Горчакова «Записку о цензуре в России», которая произвела очень большое впечатление в Москве. Видимо эта записка и стала последним поводом к назначению Ф.И. Тютчева «председателем Комитета цензуры иностранной с оставлением в ведомстве Министерства иностранных дел» в апреле 1858 года.

Интересно, что и Аксаков, и Тютчев, несмотря на запрет, встречались за границей с А.И. Герценом и произведения обоих были опубликованы в запрещенной в России его «Полярной звезде». Первым посетил Герцена в августе 1857 года в Лондоне Аксаков, после чего у них установились деловые и дружеские отношения. А через год в 4-й книжке «Полярная звезда» были напечатаны судебные сценки Ивана Сергеевича «Утро в уголовной палате». Затем Аксаков в течение нескольких лет был одним из тайных корреспондентов Герцена.

Об этой переписке знал поэт, который и сам в марте 1865 года встречался с Герценом в Париже. Встреча эта произвела на Герцена большое впечатление, ибо через день, в письме Н.П. Огарёву он пишет, что «Тютчев ещё больше мёд и млеко».

Аксаков горячо любил и ценил поэтический талант Тютчева. И потому, когда он вплотную занялся редакторской деятельностью, в его

изданиях непременно публиковались произведения поэта. Когда весной 1858 года Иван Сергеевич получил разрешение на издание собственной московской газеты «Парус», а потом стал редактором журнала «Русская беседа», основного органа печати славянофилов, на их страницах появляются сразу шесть новых стихотворений Тютчева.

Симпатии поэта зачастую разделяли и его дети, особенно старшая дочь Анна Федоровна, бывшая ближе всего к отцу. В начале 1858 года она тоже познакомилась с И.С. Аксаковым. Поводом для беседы явилась недавно написанная книга «Детские годы Багрова-внука», которая очень понравилась Анне Федоровне. Иван Сергеевич посоветовал тогда Тютчевой, бывшей фрейлиной жены Александра II, регулярно вести дневник, ибо «через двадцать лет эта эпоха, все значение которой мы в настоящее время не можем оценить, будет представлять огромный интерес...». Аксаков словно предугадывал, что дневники, которые ведет Анна Федоровна, станут потом действительно ценными воспоминаниями, и будут уже в советское время изданы в двух томах под названием «При дворе двух императоров».

С тех пор дочь поэта, как и её отец, стала во многом сочувствовать всем делам Ивана Сергеевича, и даже оказывать ему посильную помощь, имея большие связи при дворе. А сочувствие Аксакову требовалось потом много раз. Резкая критика правительства, антикрепостнические высказывания в статьях, печатавшиеся в его газете «Парус» привели, в конце концов, к её закрытию.

Но он и тогда не оставляет мечты о собственной московской газете, которая продолжала бы быть трибуной для его публицистики, для выступлений его единомышленников. В течение 60-70-х годов он добивается разрешения на выпуск газет «День», «Москва», «Москвич», редакторствует в них, но и они по тем же причинам, в конце концов, закрываются правительством.

Все эти годы не прекращается постоянная переписка между Тютчевым и Аксаковым, при каждом удобном случае они видятся, особенно во время частых приездов поэта в Москву. Например, 5 сентября 1865 года Аксаков пишет Анне Федоровне в Петербург: «Нынче я вышел из дому...и встретился с Ф.И. Тютчевым, который шел ко мне. Он взял меня под руку, и мы с ним проходили слишком полтора часа, разговаривая. Думаю, что сделали верст десять. Очень хвалил мою статью...».

12 января 1866 года состоялась свадьба И.С. Аксакова и А.Ф. Тютчевой в домовая церковь на Поварской. Тютчев, как всегда, подробно описал весь ритуал в письме жене: «В очень хорошенькой домовая церкви было не более двадцати человек. Было просто, прилично, сосредоточенно...Аксаков произнес установленные обрядом слова с большой убежденностью, - и я полагаю, или, вернее, уверен, что беспокойный дух Анны найдет, наконец, свою тихую пристань...».

Имя Ивана Сергеевича Аксакова самым тесным образом связано с Московским купеческим обществом взаимного кредита. Одним из наиболее известных кредитных учреждений «белокаменной». Оно было учреждено в

1869 году видными московскими купцами. С 1869 г. по 1874 г. И.С. Аксаков состоял одним из четырех членов правления, а с 1874 по 1886 г. он занимал пост председателя правления этого общества. С точки зрения современных требований к банковскому руководителю Аксаков был вполне подготовлен: имел безупречную репутацию, высшее юридическое образование, хорошее знание людей, разностороннюю практику в судебных и управленческих структурах, огромный кругозор, общественную известность, но самое главное – он был глубоко предан делу, которым занимался. Он смог задать вектор развития созданному им кредитному учреждению на долгие годы.

В банковской сфере выдающийся литератор придерживался тех же жизненных принципов, что и в творчестве и политике: честность, стремление добраться до самой сути, нацеленность на конечный результат, ответственность за принимаемые решения.

Репутация его была безупречна, честность признавалась и политическими противниками, и не случайно при его жизни выражение «Честен как Аксаков!» звучало как комплимент.

И.С. Аксаков как председатель правления максимально стремился ослабить долговую удавку, в которой заёмщик оказался не по своей вине. Так, известный предприниматель и основатель крупного завода в Санкт-Петербурге (названного позже его именем) Николай Иванович Путилов (1820-1880) в 1876 году оказался в сложной ситуации. О драматизме его положения говорят обращения промышленника к председателю правления банка: «Милостивый государь Иван Сергеевич! Вам уже известно, что стачки рабочих в Англии и Франко-Прусская война породили в 1873-74 годах небывалое возвышение цен на сырые металлы и уголь; что неожиданный переход от железных рельсов к стальным подкосил...выгодное производство железных рельсов, составлявшее главную деятельность общества, и в тоже время вынудил сооружать новый стальной завод с затратой до 1 200 000 рублей. <...> Достопочтенный Иван Сергеевич, посочувствуйте грандиозному предприятию, многополезному для России, - посочувствуйте лично мне, стремящемуся единственно к наискорейшей уплате моего долга».

И.С. Аксаков сделал всё от него зависящее, чтобы сохранить уникальное предприятие: несколько раз предприятию давались отсрочки для погашения долга.

Философ П.Б. Струве считал, что руководство банком для И.С. Аксакова было не случайностью, а «соответствовало его глубочайшему убеждению в неразрывной связи между духовной и «материальной» культурой страны. Это входило в его общественное служение».

И.С. Аксакова очень опечалила тяжелая болезнь Ф.И. Тютчева в самом начале 1873 года. Он тут же едет в Петербург и неотлучно находится у постели Федора Ивановича. А когда Аксаков узнает о кончине поэта в июле, то уединяется в Турово, имении своей жены под Серпуховом на Оке, чтобы по свежим впечатлениям написать книгу о столь дорогом для него человеке. И книга эта была написана Аксаковым буквально за полгода, на многие годы

вперед определив направление исследовательских работ о величайшем русском поэте-лирике.

«Помнить, что жизнь есть труд, борьба, подвиг, что, кроме личного счастья, существует для нас цель счастья и блага общественного, что мы призваны сюда для служения добру и правде...вот что необходимо для нас на каждом шагу в жизни», - так писал 29-летний Аксаков своему сослуживцу, и это стало его девизом на всю жизнь.

Однажды на вопрос иностранного корреспондента, к какой партии он принадлежит, И.С. Аксаков дал примечательный ответ: «Моя партия-вся Россия!». Бесспорно одно: в истории России и Ф.И. Тютчев и И.С. Аксаков остались образцом чести и достоинства, примером служения своей стране.

Литература.

1. Архив Чагина Г.В. Фонды музея Ф.И.Тютчева в Овстуге.
2. Аксаков И.С. «У России одна-единственная столица...». Москва: «Русский мир», 2006 г.
3. Вычугжанин А.Л., Мизгулин Д.А. «Деньги, банки, перо». Тюмень: ИД «Титул», 2015 г.

Калиниченко Александр Леонидович,
редактор книжно-журнального издательства «Граница», заслуженный
работник культуры РФ
(Москва).

Религиозная, духовно-нравственная основа творчества

Ф.Ф. Тютчева.

По своим религиозным убеждениям Ф.Ф. Тютчев относился к православному вероисповеданию. Он, как человек глубоко верующий, в своих поступках, повседневных делах, на военной службе, а также в сочинительстве придерживался и строго соблюдал требования религиозной этики и церковной культуры. Духовную силу для своих произведений писатель черпал из христианских православных канонов, которые традиционно определяли на Руси круг тем для творчества¹. По этому поводу философ Н.И. Бердяев писал: «В русской культуре XIX в. религиозная тема имела определяющее значение. И так было не только в религиозных направлениях, но и в направлениях в нерелигиозных и богоборческих, хотя бы это и не было создано»².

Многое Тютчев позаимствовал из произведений художественной литературы на духовно-бытовую тему, где помимо других интересов, ярко очерчены образы священнослужителей, показаны их нравственно-этические убеждения. В обществе «настал час, чтобы светские люди посмотрели на нас, а мы в их соображения и стремления вникли», так записал в своём дневнике отец Савелий Туберозов³ в романе Н.А. Лескова «Соборяне»⁴, вышедший в свет в 1872 году, ставший одним из ориентиров широкого и серьёзного изображения религиозной темы. Как характеризовал произведение литературовед А.В. Попов: «Он и до сей поры стоит выше всех произведений по глубине изучения православия, по беспристрастию и тёплому отношению к духовному сословию»⁵, что нет среди литературных персонажей ни одного типа из духовенства «глубже, симпатичнее, беспристрастнее и рельефнее» образа отца Савелия Туберозова, главного из героев старгородской хроники Лескова.

В других сочинениях, как отмечал А.В. Попов: «Духовенство в художественных произведениях изображается далеко не так верно, как желательно бы требовать от литературы, этого яко бы зеркала общества. Во

¹ Вплоть до начала Нового времени на территории Slavia Rossica каноническая книжность была представлена определёнными типами текстов: летописанием, гомилетикой и агиографией.

² Бердяев, Н.И. Русская идея.

³ «Соборяне», Дневник о. Савелия Туберозова.

⁴ Лесков, Н.А. Соборяне 1872 г.

⁵ Попов Алексей Васильевич //Типы духовенства в русской художественной литературе за последнее 12-летие»

многих произведениях из духовного быта духовенство изображается такими мрачными красками, что подрывает к себе уважение у читателя, не знающего его непосредственно»⁶.

К этой теме можно отнести популярные в своё время произведения: роман Н.С. Преображенского⁷ «Из кулька в рогожку»⁸, где между другими героями фигурируют четыре священника, или, как называет их автор, попы-Матвей, Андрей, Аммос и отец Максим. В повести Ф.В. Ливанова⁹ «Жизнь сельского священника»¹⁰ с идеальным типом молодого священника отца Александра Алмазова. В проповедях литературных героев заложен философский смысл о том, что: «У русских моральное сознание очень отличается от морального сознания западных людей, это сознание более христианское. Русские моральные оценки определяются по отношению к человеку, а не к отвлечённым началам собственности, государства, не к отвлечённому добру. У русских иное отношение к греху и преступлению, есть жалость к падшим, униженным, есть нелюбовь к величию»¹¹.

Набожность, преклонение перед православной культурой передались Фёдору Фёдоровичу от матери — Елены Александровны Денисьевой. О её духовной основе Георгиевский писал, что она была женщина «глубоко религиозная, вполне преданная и покорная дочь православной Церкви»¹². После её смерти духовными просветителями Фёдора Фёдоровича стали Анна Дмитриевна Денисьева (тётка Е.А. — авт.) и его няня Анна Ивановна, внушавшие подростку, что в ситуации морального выбора, именно Бог является гарантом нравственности, духовной силы и чистоты человека — крепостью, защитой и разумением. Родительское напутствие Тютчев пронёс в своём сознании всю жизнь, не нарушив заповедей Божьих, соблюдая верность выбранному духовному пути. Убеждённость в православном

⁶ Попов Алексей Васильевич //Типы духовенства в русской художественной литературе за последнее 12-летие»

⁷ Николай Сергеевич Преображенский – приятель Добролюбова по педагогическому институту. Он обладал оригинальной внешностью: маленький рост, длинный нос и волосы, стоящие дыбом, несмотря на все усилия гребенки. Это был молодой человек с повышенным самомнением, с бесцеремонностью и свободой суждений, которые у Добролюбова вызывали восхищение. Он называл его парнем «не робкого десятка».

⁸ Преображенский, Н.С. Из кулька в рогожку. Журнал «Дело». СПб. 1872 г.

⁹ Ливанов, Фёдор Васильевич (?—1879) — прозаик, публицист, переводчик. Служил в Министерстве внутренних; служил по министерству внутренних дел, из архива которого добыл несколько дел о раскольниках. Материал, заимствованный из этих дел, он украсил измышлениями и выходками в духе старинных преследователей раскола, снабдил выписками из различных сочинений о расколе (без указания источников) — и в результате получился ряд очерков и рассказов, вышедших отдельными сборниками: «Раскольники и острожники» (СПб. 1868; 4 изд. 1872—73) и «На рассвете» (М. 1874).

¹⁰ Ливанов, Ф.В. Жизнь сельского священника. СПб., 1877 г.

¹¹ Бердяев, Н.И. Русская идея.

¹² Кожин В.В. Тютчев Ф.И.. — М., 1988. — 641 с. — (Жизнь замечательных людей).

выборе и вера в Бога отчётливо отразилась в поэтике писателя, оттачивании им писательского мастерства, чувства слова.

Тютчев преклонялся перед русским словом, шедшее из религиозной среды его рождения, почитал и ощущал великое таинство его происхождения, создавшего человека.

Слову, в религиозном, литературном, информационном, повседневном и прочих смыслах, посвящено множество исследований, обсуждений и публикаций. Тютчев, поклоняясь с благодарностью братьям Кириллу и Мифодию за буквы, несущие нам слово, восславлял слово, утешаясь крылатым латинским изречением: *Littera scripta manet* — написанная буква остаётся.

Художественное богопознание самобытно выражено в раннем творчестве Тютчева. В журнале «Русский паломник» в 1888 году публиковались повести начинающего писателя о православных исторических летописях и духовном бытии: «Лучи православия»¹³, «Стригольники»¹⁴, «Петрушка — божья душа»¹⁵.

В повести «Лучи православия», относящейся событиями к X в., писатель прослеживает период трудного становления христианства на Руси, показывает ожесточённую борьбу язычников с православными христианами, где каждый отстаивал свои интересы и выбранную веру. Автор в популярной форме, художественным словом рассказал об истоках зарождения религиозности на Руси, о поклонении нашими предками силам природы, воплощённой ими в божествах: солнце — Дажьбог, «великий Хорей» — солнечное светило, небо — Сварбог, Бог-громовержец — Перун, Стрибог — повелитель ветра.

Как известно, крещение на Руси при святом князе Владимире было встречено агрессивной реакцией язычников. Чтобы правдиво изобразить события тех лет, историю зарождения православия, Тютчев по крупицам собирал материал, изучал летописи по церковным книгам. Он, соблюдая достоверность фактов, показал детство князя Владимира, проведённое им в Новгороде под влиянием старой веры. Как утверждает автор, Владимир после своего воцарения в христианском Киеве, фанатично насаждал языческий культ, принеся в жертву первых мучеников Русской православной церкви — Феодора и Иоанна. Известно, что в эту эпоху пострадали многие христианские храмы, а местных жителей городов и сёл силой заставляли поклоняться идолам.

Владимир, став Великим князем, значительно расширил и упрочил Русь, как государство всех восточных славян, стремясь сплотить её через унификацию религиозных взглядов населения. Современное литературоведение отмечает, что с Владимиром Святым связаны былины и

¹³ Лучи православия : Повесть // Русский паломник. — СПб., 1888. — № 6—10.

¹⁴ Стригольники : Повесть // Русский паломник. — СПб., 1888. — № 19—25.

¹⁵ Петрушка — Божья душа : Рассказ // Русский паломник. — СПб., 1888. — № 41—

богатыри. Но рыцарство не развилось на духовной почве православия. В мученичестве св. Бориса и св. Глеба нет героизма, преобладает идея жертвы. Подвиг непротivления – русский подвиг. Оproщение и уничтожение – русские черты. Автор учёл в сюжете повести эти исторические особенности, раскрывая образ князя и его приближённых.

В тоже время витязи, верные служители князя, не способствовали укреплению его авторитета, собирая с населения произвольную дань, разоряя города и сёла, чтобы принести щедрые жертвы своим идолам. Тютчев в произведении выделяет мужественного Рогволода, противившегося кровавым жертвам языческой религии.

Его прозрение, по версии писателя, наступило случайно, когда он по пути в Киев набрёл на скит, где жил старик-монах по имени Рулаф. Тот в задушевных беседах развеял сомнения Рогволода в выборе духовных истин, поведав князю о своём вероучении, подарив ему Евангелие с описанием жизни, страданий, смерти и воскресения Иисуса Христа.

Язычник Крум, наделённый властью в окружении князя Владимира, стремился расширить и укрепить язычество на Руси, чему противился Рогволод. Собственно, на их противостоянии основан сюжет повести В свою очередь, Рогволод отвергал преклонение идолам, считая, что боги, сделанные человеческими руками — «бездушные истуканы». Он пытаясь убедить князя Владимира принять христианство, призвав на помощь старца, поведавший вельможе об Иисусе Христе, Сыне Божьем. Вскоре на Руси христианство утвердилось повсеместно, как главная вера в государственной системе.

В повести «Стригольники» действие разворачивается в конце XIV века. Тютчев, изучил историю этого религиозного учения, возникшее в Пскове и Новгороде, ставшее одним из самых известных движений в средневековой Руси. Известно, что стригольники отвергали церковную иерархию, выражали недовольство практикой «постановление пастырей на мзде» (продаже церковных должностей — авт.), отрицали хождение в храм, отпевание у иереев нечестивых. С основания своего православная церковь не сталкивалась с такой мощной силой разногласий в обществе. Митрополит Московский Алексей посвятил свою жизнь единению Православной церкви, борьбе с внутренними противниками веры.

В разгар этих неурядиц и дразг, появились основные идеологи стригольников Никита и Карп. Они проповедовали отделение от официальной церкви, не признавая епископов и священников, по их мнению, ведущих жизнь недостойную пастырей. Речи Карпа и Никиты сеяли смуту в сердцах прихожан, находя своих сторонников, призывая население не повиноваться властям духовным, которые «ничто иное, как волки хищные в овечьих шкурах, пекущиеся только о своих выгодах»

Новая ересь быстро распространялась среди среднего сословия Новгорода. Автор описывает эпизод, как в Ильин день, при большом скоплении народа, один из монахов в споре с Никитой, призвал толпу утопить лжеучителей. Ересь на Руси была искоренена.

Повестью «Петрушка — божья душа» Тютчев выразил свой восторг когорте блаженных людей, которых так любят на Руси. «Блаженные времена», «блаженство» — олицетворяет по мнению автора — счастье. «Вместе с тем, народ «блаженными» называет не только «святых», но и людей «простой жизни», «простых умом», правдивых, юродивых, как говорили, «не от мира сего», вызывающих одновременно и уважение, и сострадание, смешанное с удивлением»¹⁶. В мировой литературе, мы знаем, немало примеров «блаженных»: Дон Кихот, князь Мышкин, Алёша Карамазов и другие. По образу жизни они — праведники и вечные протестанты, их слова обещаний никогда не расходятся с делом. В народе блаженные часто подвергаются гонениям, презрению и клевете, над ними смеются, но, не смотря на это, они живут своими интересами, всячески помогая нуждающимся.

Действие повести разворачивается в районе Москвы Кунцево — резиденции местной знати, славившаяся дороговизной своих дач и прекрасным парком. Поучительно звучит легенда об этой местности, где когда-то стоял скит. Молва гласила, что наткнувшись на него, вооружённый отряд Батыя его разорил и сжёг дотла, а иноков, находящихся в нём, убили. Когда разбойники собрались покинуть это место, то земля словно расступилась, и в образовавшемся овраге были погребены разорители — солдаты Батыя. С тех пор ночью из земли доносилось грустное пение мучеников. Как символ примирения на этом месте сидел старец, которого ласково называли Петруша-божья душа.

В ряде произведений Тютчев поддерживал нравственную пользу от богоподобных людей, особенно их смиренной, идущей от сердца беседой с людьми, делясь с ближними своим душевным и сердечным богатством. Известно, что они ухаживали за больными людьми, добровольно и безвозмездно прислуживали в церкви, выполняли множество других бескорыстных дел для соотечественников. За это миряне по-прежнему их уважают, любят и верят им. В сочинении, там, где появлялся Петруша, всегда происходило чудо. Так, у бездетной женщины родился ребёнок, в другом случае, соединились влюблённые сердца и т.д. Автор писал о великой пользе людей, подобным Петруше: «Он как соль земли, как светоч в ночи и нам, грешным, взирая на него, легче дышать и как бы светлей становится»¹⁷.

В произведениях на православную тему Тютчев стремился в догматических церковных рамках разъяснять и напоминать читателю христианские истины, опровергать ложные мысли, суеверия, сомнения, затемняющие чистоту веры, а также обличать пороки и побуждать к благочестивой жизни. Определение своеобразия поэтических приёмов православных писателей, реализующих эту установку, имеет большое значение как для понимания особенностей развития православной литературы в России, так и русского литературного процесса в целом.

¹⁶ Петрушка — Божья душа : Рассказ // Русский паломник. — СПб., 1888. — № 41—44.

¹⁷ Петрушка — Божья душа : Рассказ // Русский паломник. — СПб., 1888. — № 41—44.

Ф.Ф. Тютчев, будучи офицером пограничной стражи России, разрабатывая сюжеты сочинений на военную тему, по-прежнему ориентировался на православные основы и духовно–нравственные традиции русского воинства. В них, как считал писатель, заложен высокий мироустойчивый конструктивный смысл, определявший, в том числе, многие аспекты жизнедеятельности Отдельного корпуса пограничной стражи, поддерживающие в нём высокий боевой дух солдат и офицеров, их преданность царю и Отечеству.

Из отечественной истории Ф.Ф. Тютчев усвоил, что полагаться лишь на силу оружия — не всегда оправданное дело. Его литературные герои, прежде всего, рассчитывают и надеются на мудрость, любовь и веру тех, кто стоит на рубежах нашего Отечества под благословением Божиим. В творчестве Тютчева представлена христианская картина мироздания с религиозно-нравственными раздумьями автора, воплощённые им в литературных образах.

Традиционно в ратном деле по охране государственной границы православная вера несла в общество свою великую силу и влияние, являлась фактором укрепления морального духа, стойкости и благородства защитников Отечества. Однако уже во второй половине XIX в. четко проявилась тенденция снижения влияния православия на армию. «Не секрет, — писал популярный журнал “Военный сборник”, — религиозное чувство везде понижается, а вместе с тем, падает высота нравственного подъёма духа, то есть именно уровень нравственной настроенности современного человечества. Всё громче и властнее раздавался повсюду призыв: “Вернуть народы к Богу”»¹⁸. Определённое негативное влияние на моральный дух русской армии оказывало снижение роли православной религии среди разных слоёв общества и солдатских масс.

Писатель Тютчев в произведениях о войне не поддавался траурному настроению. Он показывал образы воинов, которых родители благословили идти на войну, образков с частицей мощей надели им на шею. Его герои в трудный час атаки на врага молились сильнее, поэтому были спокойны. Они говорили: «С молитвой — ничего не страшно». Тютчев на фронте был свидетелем, что религиозность возросла в войсках, а глубокая вера в Божественный промысел являлась наилучшим панцирем, служащим защитой от всяких опасностей и поддерживающим бодрость духа в самых рискованных положениях. Писатель проповедовал мысль «Молитва на войне — великая сила».

Известно, что в начале XX в. под влиянием дискредитации царской власти, распутинщины, морального разложения верхов, в том числе значительной части духовенства, религиозность народа и армии ещё больше пошатнулась. Верхушка церкви вела себя угоднически по отношению к власти, отрывалась от народа, теряла авторитет. Ей подражали многие

¹⁸ . Евдокимов Л.В. Нравственная настроенность как данная жизни армии // Военный сборник. 1914. No 6. .

священники на местах. Поэтому в массе народа происходило духовное перерождение. К примеру, молодежь, приходившая в армию и ОКПС накануне и в период Великой войны, была в значительной своей части равнодушна к вопросам православной веры и церкви. Командование частей и полковые священники, будучи неспособными вызвать интерес к религии, часто принудительно, в обязательном порядке заставляли солдат посещать церкви, слушать проповеди и исполнять религиозные обряды. К сожалению, духовенству не удалось в годы Первой мировой войны 1914—1918 гг. вызвать религиозный подъём в войсках, оказать существенное позитивное влияние на настроение солдатских масс. «В числе моральных элементов, поддерживающих дух русских войск, — писал А.И. Деникин, — вера не стала началом, побуждающим их на подвиг или сдерживающим от развития впоследствии звериных инстинктов»¹⁵.

На силу веры в Бога, как объединяющего начала для выполнения ратных дел, традиционно рассчитывало руководство пограничного ведомства. Это вошло в жизнь ОКПС, приумножалось традициями, закрепилось нормативными документами и приказами Шефа пограничной стражи.

15 октября (27 октября по новому стилю) 1893 года император Александр III издал указ об учреждении Отдельного корпуса пограничной стражи (ОКПС). Так завершилась военная организация пограничной охраны Российской империи.

Истари на Руси повелось, что каждое воинское формирование имело своего небесного покровителя и, соответственно, свой церковный праздник.

В качестве храмового праздника защитники передовых рубежей избрали Введение во храм Пресвятой Богородицы — ближайший к дню основания ОКПС. В приказе № 18 руководителя пограничного ведомства С.Ю. Витте, датированном 31 марта 1894 года, в частности, говорилось: «По всеподданнейшему докладу Его Высокопревосходительства шефа пограничной стражи министра финансов, Его Императорскому Величеству Государю Императору благоугодно было 25-го сего марта осчастливить наш корпус установлением празднования ежегодно общего храмового праздника 21-го ноября, в день Введения во храм Пресвятой Богородицы, знаменуя сим посвящение вновь учреждённого Отдельного корпуса пограничной стражи всецело на службу Его Императорскому Величеству и на защиту Престола и Отечества. Причём Государю Императору благоугодно было повелеть представлять в сей день на Высочайший смотр сводную роту из представителей от всех частей корпуса.

Объявляя по войскам вверенного мне корпуса о таковом Монаршем к нам благоволении, твёрдо уповаю на то, что все чины вверенного мне корпуса, осчастливленные этим новым знаком Высочайшего благоволения, оправдают Монаршую милость повседневною своею усердною и ревностною, по долгу присяги, верною службою по пограничному надзору, так и в минуту призыва русской рати, когда мы также будем призваны к священной обязанности каждого русского воина идти беззаветно, не щадя

своего живота, на защиту Престола и Отечества, а тогда и в наших рядах да воссияют те, искони присущие русским воинам, доблесть, храбрость, мужество и стойкость в перенесении трудов и лишений на пользу Царю-Батюшке нашему и Отечеству, которые из рода в род украшают знамёна нашей доблестной ратной силы.

Приказ этот прочесть, при первом удобном случае, перед строем с провозглашением «Ура!» Его Величеству, нашему обожаемому Государю Императору, и выставить приказ на видных местах в постах и казармах частей вверенного мне корпуса».

С тех далёких дней вот уже более века Богородица покровительствует защитникам рубежей Отечества в их нелёгком ратном деле.

В начале каждой календарной зимы российские пограничники традиционно отмечают праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, он же храмовый праздник стражей границы. В этот день в православных соборах и церквях страны проводятся торжественные богослужения и молебны о здравии и благополучии воинов в зелёных фуражках, а также в память о погибших при защите передовых рубежей Отечества.

Сочинения Ф.Ф. Тютчева подтверждают, что праздник в подразделениях ОКПС почитался, его с удовольствием и радостью отмечали пограничники. В каждой казарме обязательно размещалась святая икона и тропарь праздника. Важнейшим событием в этот день был высочайший смотр в Михайловском манеже Санкт-Петербурга, в котором принимали участие лучшие офицеры и нижние чины пограничных частей. Перед его началом служился молебен о защитниках рубежей, девизом которых является «Честь. Отечество. Долг». Позволялись и развлечения: например, показ гимнастических упражнений, во время которого ставились «живые картины», то есть сценки из жизни пограничников, а также проводились игры, люди пели песни и танцевали.

Вот как описывал храмовый праздник 21 ноября 1899 года летописец пограничной стражи генерал-майор Михаил Петрович Чернушевич в журнале «Разведчик» от 8 января 1900 года: «Собранная к этому дню в Санкт-Петербурге сводная рота представителей от всех частей пограничной стражи имела счастье представиться на смотре Государя Императора в манеже Инженерного замка, совместно с лейб-гвардейским Семёновским полком и 1-й Его Величества батареей гвардейской конно-артиллерийской бригады. После молебствия рота пропущена была два раза церемониальным маршем по полуротно и по отделениям, удостоившись два раза Высочайшего «Спасибо, братцы!». После сего вызванные вперёд сверхсрочнослужащие и нижние чины, имеющие медали с надписью «За храбрость» и знак отличия ордена Святой Анны, были осчастливлены, каждый отдельно, расспросом Его Императорского Величества об их подвигах и общей благодарностью за молодецкую службу.

Пять человек нижних чинов сводной роты, имеющих медаль с надписью «За храбрость», участвовали в параде в Георгиевском зале Зимнего дворца. В

ресторане «Контан» состоялся товарищеский обед генералов, офицеров и классных чиновников пограничной стражи, который прошёл очень оживлённо, при множестве тостов и пожеланий. Общему оживлению главным образом способствовал новый начальник штаба корпуса генерал-майор Владимир Викторович Сахаров. Подняв бокал за здоровье русского пограничного солдата, в короткой, но образной форме он сказал приблизительно следующее: «Господа! Обращая взгляды вокруг себя, мы видим своих товарищей, поставленных относительно в хорошие условия жизни и службы. Например, сегодня за этим столом, празднуя наш корпусной праздник, все мы веселы, довольны, потому что сыты, нам тепло и удовлетворительны не только наши насущные потребности, но даже и прихоти. Бросим же взгляды далее, за пределы этого зала, за пределы столицы, на те окраины нашего великого Отечества, где несёт свою службу наш младший брат — пограничный солдат и его начальник — отрядной офицер... Я предлагаю тост за них!»

Затем один из участников того товарищеского обеда ротмистр Грешнер зачитал написанную им ради этого случая «здравницу»:

Мы собрались сюда, чтоб праздник наш военный

Отпраздновать в семье товарищей своих.

Пускай же здравицей нескладной и смиренной,

Но искренней — звучит мой задушевный стих!

Я пью за штаб, за наше управление,

Как за очаг разумного труда,

Чтобы на высоте и в блеске положенья

Остался он в грядущие года!

Я пью за то, чтоб тесною семьёю,

Как в этот час — нам жить из года в год,

Чтоб путеводною и светлою звездою

Нам был девиз: «И вместе, и вперёд!»

Я пью за корпус наш, за дух его привычный

К труду, опасностям и жизни боевой,

Я пью за славу стражи пограничной,

Доказанную службой вековой.

В русской литературе много написано и сказано о важной роли института духовенства, священнослужителях, принёсших большую пользу в деле поддержания в войсках Пограничной стражи веры, благочестия, мужества и самопожертвования. К примеру, в 1908 году в пограничных округах насчитывалось 17 церквей, повсеместно на границе развёртывались походные храмы. Священники посещали самые дальние заставы и отдельные посты, преодолевая сотни километров дорог, сталкиваясь с различными трудностями в пути, порой рискуя жизнью, но по совести выполняя свои обязанности. Примеры жертвования, самоотдачи, высокой индивидуальной культуры священнослужителей, эффективно влияющие на духовное состояние пограничников, описаны в отечественной художественной литературе, поведав на страницах книг, газет и журналов о малоизвестных

фактах взаимодействия пограничного ведомства и Русской Православной Церкви.

Как и другие писатели Ф.Ф. Тютчев активно разрабатывал православную тему, отмечал главенствующую роль духовенства в жизни пограничной стражи, что нашло отражение в его произведениях: романах «На границе», «Беглец», «На скалах и долинах Дагестана», повестях «Луч божьего света в пустыне глухой», «Венок из незабудок», «Сила любви», «Комары», рассказах «Загадка», «В разведке», «Под крылом смерти», «Во тьме ночной», «Путь страданий», «Роковая находка» и других сочинениях.

Так, в романе «На скалах и долинах Дагестана» автор анализировал, что появление русских пограничных постов на Кавказе явилось поводом и для изучения этнических особенностей Кавказа, его нравов, обычаев и традиций. После длительного военного противостояния в период Кавказской войны 1817—1864 гг. с наступлением мира, завязывались дружеские отношения между русскими офицерами и интеллигентной прослойкой Востока, но когда дело касалось религиозных убеждений и всего связанного с этим вопросом, здесь между ними возникало непонимание и непримиримая вражда, как «нельзя соединить огонь с водою, мусульманина с христианином».

Ф.Ф. Тютчев в повести из жизни на персидской окраине «Луч божьего света в пустыне глухой»¹⁹, напечатанный в издательстве П.П. Сойкина в 1904 году, поведал о взаимоотношениях верующих людей разных конфессий: православия и мусульманства. Писатель, говоря о причинах их разногласий в вопросах Веры, сделал своего рода художественное открытие, показав трагизм судеб тех женщин Кавказа, не имевших права духовного выбора по национальному признаку.

В сюжете сочинения ротмистр Иван Сидорович Локтев, начальник пограничного поста, затерянного в горах, невольно, вместе со священником отцом Вениамином, участвовали в спасении жизни девушки Фатьмы, с трагичной судьбой, от притязаний отдельных экстремистски настроенных мусульман. Её, родившуюся в семье православного ингуша и казачки, пытались лишить права религиозного выбора, из-за того, что отец Фатьмы под натиском местного мусульманского духовенства вынуждено отрекся от православия.

Тютчев, описывая облик своей героини, которой в ту пору исполнилось 15 лет, подчеркивал её девичью красоту, трогательную мягкость и нежность характера, выразительно представив читателю мирозерцание и душевные свойства православного человека.

По воле случая девушка оказалась на воспитании в семье православного пограничного офицера, вызвавшее недовольство среди местных жителей, устроивших за ней постоянную охоту, пытаясь выкрасть её и насильно превратить в мусульманскую веру. Пограничники с помощью

¹⁹ Тютчев Ф.Ф. Луч божьего света в пустыне глухой. Повесть из жизни на персидской окраине. СПб. — 1904.

бывшего соотечественника, принявшего мусульманство, по имени Алихан спасают девушку из лагеря фанатизированных мусульман, и она, уже под именем Ольги, вскоре уезжает с матерью на её родину, осыпанная подарками и добрыми пожеланиями.

В эпилоге повести жизнеутверждающе звучат слова офицера Локтева, сказанные им в присутствии влиятельного местного муллы Ибрагима, о принятом им решении крестить Фатьму и вернуть девушку в Россию, как «дело государственное, а не личное».

В сочинении автором большое место отводится не только судьбе юной Фатьмы, но и образу православного священника отца Вениамина, как олицетворению человеческого добра и чистоты мыслей. По сюжету он, заменив заболевшего настоятеля храма, отправился по границе, где его ждали на отдалённых пограничных постах согласно маршруту, заранее объявленному в приказе по пограничной бригаде. Отец Вениамин, преодолевая невероятные трудности в пути по опасным головоломным тропинкам, извивающимся над бездонными пропастями, страшно крутым подъёмам и почти отвесным спускам, он неизменно отвечал встречным путникам, беспокоившимся за его здоровье: «Ездят же люди. Бог даст — проеду и я». Тютчев отмечал, что твёрдая вера в Бога делала отца Вениамина неуязвимым для чувства страха, и там, где даже привычные люди озабоченно хмурились, он оставался совершенно спокойным и смотрел вперёд себя «светлыми и беззаботными глазами, как бы даже не видя опасности».

Писатель в образе священника показывает сильную натуру и волевого человека, преодолевавшего тяжёлые физические нагрузки в дороге. Со стороны было видно, что он чувствовал себя неуверенно, «как человек во второй или в третий раз в жизни севший в седло».

Солдаты, сопровождающие священника, удивляясь его выносливости и терпеливости в длительном и опасном для жизни путешествии, восхищаясь, о нём говорили: «Храбёр!»

Отец Вениамин представлен автором священником по призванию, продолжателем семейной традиции служения Богу. В миру внешне он выглядел очень симпатичным, умным человеком, сильно отличающимся от того типа иереев, подрывающих уважение к духовенству. На вид ему не больше 28—30 лет: «утомлённое лицо его, окаймлённое небольшой русой бородкой, слегка раздвоенной на подбородке. Черты лица его были красивы, но болезненны».

Внешне и по характеру он, как две капли воды, походил на своего родителя военного священника отца Павла, который по должностной обязанности регулярно находился в армейских соединениях, в годину опасности для Отечества и на передовой линии фронта. Православные солдаты и офицеры отмечали, что «его лицо дышит беспредельной добротой, он от всего сердца жалеет «несчастненьких».

Автор через воспоминания персонажа повести Алихана приводит героический эпизод с участием отца Павла на Русско-турецкой войне 1877—1878 гг., когда священнослужитель в решающий момент боя поднял в

атаку и повёл за собой братьев по духу: «За мной, кто верит в Бога!». Аскеров смутил вид человека в тёмной одежде с высоко поднятой рукой, в которой ярко сверкало в лучах солнца ещё невиданное ими оружие. Превосходящие силы турков отступили, что позволило в итоге выиграть сражение. С тех пор солдаты по-доброму отзывались об отце Павле, уважительно называя его между собой — «Батя».

Типичный образ отца Павла не придуман писателем, он — олицетворение известных в истории православных героев-священников. Традиция их участия в военных походах действующей армии появилась много веков назад — фактически с появлением на Руси христианства. И очень часто батюшки действовали героически, вдохновляя своим примером солдат на подвиги. Полковые священники не боялись ни пуль, ни вражеских снарядов, а некоторые даже вели за собой подразделения на вражеские укрепления. В отечественной истории известно немало примеров мужественных поступков священнослужителей. Отличившийся из них получал государственную награду в том случае, если, рискуя жизнью, ободрял солдат, причащал и благословлял их на передовой, помогал медицинской сестре, а также совершал подвиги во время боевых действий — например, спасал знамя полка или, встав на место погибшего командира, вёл солдат за собой.

Кстати, в армии служили представители других разрешённых на территории России религий — например, раввины и муллы. Известно обращение, опубликованное в 1914 году, протопресвитера Георгия Шавельского к своим коллегам-священникам с просьбой «избегать по возможности всяких религиозных споров и обличений иных вероисповеданий».

Так, во время штурма Измаила в конце XVIII века священнослужитель Приморского гренадерского полка Трофим Куцинский, обнаружив, что командир полка убит, а солдаты растерялись, отец Трофим поднял перед солдатами крест и закричал: «Стой, ребята! Вот ваш командир!». С этими словами священник повёл солдат за собой.

Отец Василий, батюшка 24-ой пехотной дивизии 19-го егерского полка, стал первым в истории православным священником, награждённым орденом Св. Георгия IV ст. за отвагу в Отечественной войне 1812 года. Он в сражении под Витебском всячески поддерживал воинов, идущих в атаку, исповедовал тяжело раненных. Когда рядом упало пушечное ядро, ему ранило левую щеку, контузило.

Во время Крымской войны, 11 марта 1854 года, Могилевский пехотный полк шёл в атаку и в первых рядах был полковой батюшка Иоанн Пятибоков. Обращаясь к бойцам, он воскликнул: «С нами Бог! И расточатся врази его! Родимые, не посраим себя! За мной, ребята!». Батюшка поднялся на укрепления врага и поднял крест, не обращая внимания на свист пуль. Отец Иоанн получил две контузии в грудь, осколки снарядов попали в его наперсный крест, погнув его, но все-таки батюшка остался жив.

Впоследствии император Николай I наградил священника орденом св. Георгия IV ст.

Стефан Щербаковский, священник 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, отличился в Русско-японской войне. В первом крупном сражении на суше, под Тюренченом, он, с пением «Христос воскресе!», повёл в атаку роту, потерявшую командира. В этом бою отец Стефан был дважды ранен. Георгиевский крест 29-летний священник получил из рук командующего Русской армией генерала Алексея Куропаткина. До конца войны Щербаковского награждали ещё трижды. Во времена Первой мировой войны его храбрость отмечали орденами дважды.

Не менее поразительный случай произошёл 1915 году, в Первую мировую. Священник 5-го Финляндского стрелкового полка Михаил Семёнов направился в штаб и, войдя в помещение, увидел, что несколько офицеров стоят и в ужасе смотрят на неразорвавшуюся вражескую бомбу, которую только что обнаружили в комнате. Отец Михаил не растерялся: ловко обхватил руками бомбу, вынес её наружу, утопил в реке.

В российской армии служили тысячи священников, которые не только совершали литургии, вели проповеди, исповедовали и причащали, но и помогали солдатам в бытовых делах — например, обучали чтению и письму и помогали составлять письма родственникам.

В русской классической литературе персонажная система многих произведений включает образы священников и монахов, которые выполняют положенные им действия: совершают богослужения, проповедуют, принимают исповедь, напутствуют умирающих.

Миссия, с которой отправился отец Вениамин на отдалённые посты пограничной бригады, была также предсказуема: проведение службы, доверительное общение с верующими, отпевание умерших от болезней и убиенных солдат.

Как пишет автор, работы по обязанности у священника было предостаточно. К примеру, он с глубоким чувством, со слезами на глазах служил заупокойную панихиду на посту Эмуран по убитому в перестрелке с курдами объездчику Левчуку, лежавшему в чужой земле «в простом ящике вместо гроба, с пулей в груди, безжалостно оборвавшей нить его ещё молодой жизни». Более полугода прошло с того дня, как труп объездчика Левчука, был товарищами спущен в могилу и засыпан сырой землей, «и только теперь впервые над его телом раздались слова заупокойных молитв».

Автор через переживания отца Вениамина с тревогой и болью говорит о множестве безымянных со сгнившим крестами могил, разбросанных по линии границы Российской империи, никем не оплаканных, похороненных пограничников без всякого обряда. Тютчев обращая внимание общества на подобные захоронения российских солдат, подчёркивал нравственную несправедливость к памяти соотечественников: «...и никто из дорогих его сердцу людей не проторит тропы к его могиле. Никто не поплачет над нею, не украсит её ни цветочками, ни зеленью». В путешествии по границе на вопросы священника — «кто похоронен в них?» — он получал один и тот же

ответ: «Не могу знать, говорят, один солдат какой-то, а какой — Бог его ведаёт».

В повести на материале жизнедеятельности пограничной стражи писателем раскрывается нравственно-этический, мировоззренческий и богослужебно-обрядовый комплекс мотивов, среди которых особую роль играет мотив исповеди, связанный с одним из важнейших церковных таинств — таинством Покаяния.

В литературе XIX века мотив исповеди встречается в произведениях М.Ю. Лермонтова «Мцыри», Ф.М. Достоевского «Бесы», Л.Н. Толстого «Юность» и т.д.

В повести «Луч божьего света в пустыне глухой» речь идёт о суженном, церковно-обрядовом понимании таинства как встречи исповедующегося (солдата Тихонова) и исповедника (священнослужителя отца Вениамина) с целью принесения первым покаяния и получения разрешения от грехов.

Тютчев в своих сочинениях особенно выделяет умение священнослужителей откровенно и доверительно общаться с солдатами, подбирая проникновенные слова для их понимания Бога и Веры. Так, отец Вениамин на всех пограничных постах, где ему довелось побывать, с особым выражением произносил печальные слова молитвы, слушая которые солдаты ощущали в себе наплыв особенных чувств: «Словно тёплая струя проникает в их сердца и вызывает слёзы умиления».

В свою очередь, священник и сам чувствовал, как «его душа сливалась с душой молящихся вокруг него людей, сладко делалось на сердце». Отцу Вениамину хотелось перелить в них избыток своего тепла и света, чтобы ими скрасить однообразную, угрюмую жизнь солдат среди унылой пустыни.

В произведении писателем затронута важная для православия тема — очищение человека от греховных мыслей и деяний. На наш взгляд, показательна, поведанная Тютчевым трагичная история молодого солдата Тихонова, убившего случайно в пограничном наряде своего товарища, длительное время скрывавшего и мучительно переживавшего его смерть. Отец Вениамин обнаружив душевные муки пограничника Ивана Тихонова, убедил его чистосердечно покаяться в своём грехе, напомнив, что только страданиями искупается вина: в этом закон божественный и человеческий, и кто не хочет подчиниться ему, тот нестерпимое бремя берёт на душу свою.

Тихонов внимательно слушал вразумительную речь священника и по мере того, как тот говорил, в нём «крепло намерение сейчас же после исповеди пойти и доложить начальству о совершенном им в прошлом году невольном проступке». Автор акцентирует, что приняв это решение, солдат почувствовал, «как тяжесть, давившая его душу, подобно каменной глыбе, начала медленно сползать и освобождать его от своего нестерпимого гнёта».

В итоге ценой больших страданий Тихонов примирился со своей совестью: «Лицо его было бледно и слёзы градом струились по его щекам». Благодаря усилиям священника пограничник был допущен к великому таинству, принял Святое Причастие. Как пишет Тютчев, лицо его

просветлело и озарилось радостной, умилённой улыбкой: «Так, должно быть, в небесах улыбаются ангелы при виде кающегося грешника».

Ни в чьём лице не прочёл раскаявшийся солдат ни злобы, ни осуждения. Писатель Тютчев отмечал, что «...в эту минуту лицом к лицу с ним стояли его братья во Христе, которых он любил и которые, в свою очередь, любили и жалели его». Согрешивший Тихонов, словно, поднялся над прахом, в котором долго пресмыкался, и, наконец, почувствовал в сердце своём Бога.

Произошедшие изменения в духовном мире Тихонова писатель отразил во внешнем облике персонажа. Обращает на себя внимание его внутренняя сосредоточенность, устремление взгляда к иконам, чтение молитв.

В повести богослужение показано, как праздник для воинов и выглядели они внешне в этот торжественный момент по-особенному: «Одетые в первосрочные мундиры и лучшие рубахи, аккуратно подстриженные, старательно вымытые и выбритые, они производили крайне выгодное впечатление серьезностью выражения своих лиц и степенностью, молились во всё время службы, не отрывая глаз от образа и внимательно прислушиваясь к молитвам и чтению Евангелия».

В образе отца Вениамина Тютчев, показывая такое высокое положение священника, такую страшную ответственность его пред Богом и людьми за вверенную ему паству требуют от него богатых духовных сил. Писатель представляет священника человеком умным, христиански и научно образованным, отличающимся высокой нравственностью, имеющим доброе сердце и твёрдую волю.

В сочинения Тютчева священник, по своему положению, является часто в роли утешителя скорбящих, но сам нередко не имеет возможности видеть слово ободрения и утешения в своих горестях и заботах. Он главный представитель духовенства. И взгляд на священника есть вместе и взгляд вообще на духовенство, включая сюда и низший клир. Отдельные священники фигурируют в сочинениях Тютчева, как второстепенные герои, очерчиваются в литературных произведениях только вскользь, слегка.

Из литературы и периодических изданий известно, что Русская Православная Церковь многое делала для просвещения воинов Отечества. К примеру, в 1894 году в Москве при церкви 5-го гренадерского Киевского полка была открыта первая в Московском военном округе церковно-полковая библиотека. Её цель заключалась в «доставлении возможности нижним чинам пользоваться книгами святого писания, духовно-нравственными сочинениями и другими полезными книгами». Этот почин был поддержан другими храмами по всей России. И ныне во многих церквях прихожане имеют возможность познакомиться с творениями известных отечественных писателей.

Признавая духовную силу на воздействие стражников и офицеров ОКПС, государство заботилось о священнослужителях, в том числе и материально. Так, с 1894 года — со времени утверждения храмового праздника пограничников — священникам и псаломщикам при бригадах

Отдельного корпуса пограничной стражи, в городах Ломже, Млавe, Сандомире, Велюне, Слупцах и в урочище Границе, было увеличено до размеров нормальных окладов жалованье для причтов Холмско-Варшавской епархии. Священникам — до 1200 рублей в год, а псаломщикам — до 300 рублей каждому. Кроме того, им отпускались квартирные деньги, сообразно с ценами на квартиры в местах расположения, и выдавались от казны прогонные и суточные деньги при всех служебных поездках.

Это увеличение жалованья причтам церковей Отдельного корпуса пограничной стражи было хорошо воспринято, так как оно давало возможность епархиальному начальству назначать к этим церквям лиц с высшим образованием, просвещённая пастырская деятельность которых не только способствовала бы подъёму религиозно-нравственного состояния прихожан, но и отразилась благотворно на отношении иноверцев к православной церкви.

Но были времена, когда условия у священников пограничной стражи были значительно худшими по сравнению с теми, кто состоял на службе при войсковых частях, квартировавших вблизи крупных населённых пунктов с отлаженной инфраструктурой. В обществе факты несправедливости давали повод для дискуссий, которые порой выплёскивались на страницы популярных периодических изданий. Так, в журнале «Пограничник»²⁰ некто Александр Тотунов писал: «Священники Корпуса пограничной стражи, находясь на ведении Епархиального Архиерея, занимают какое-то среднее положение между военным епархиальным духовенством, ибо по отправлению прямых своих служебных обязанностей и ответственности за них они приравнены к военным священникам, а по служебным правам — к епархиальным. А между тем, кто сколько-нибудь знаком с условиями пограничной жизни, кому приходилось видеть патрульные дороги кавказских бригад и проезжать по ним, кто переезжал через разлившиеся реки, кто знаком с повёрстным расстоянием и климатическими условиями каждой бригады, тот легко может представить те трудности и опасности, которым подвергаются священники пограничной стражи, особенно кавказских бригад, при исполнении своих служебных обязанностей, и с уверенностью сказать, что служба священников Корпуса гораздо тяжелее службы полковых священников и потому требует если не особых прав и преимуществ по службе, то по крайней мере одинаковых с ними. Тут невольно напрашивается и такой вопрос: если служба всех чинов Корпуса считается всеми трудной, беспокойной и потому, требующей усиленного вознаграждения и поощрения, то почему служба одних только священников не считается таковой? Ведь и священникам приходится жить при тех же условиях, переносить те же лишения и невзгоды, какие сулит каждому пограничная служба. Почему при одних и тех же условиях службы и жизни, и даже при одинаковом цензе образования, одни достойны поощрения и награды, а другие нет? Ведь и священники, как люди, плоть носящие и живущие на земле, нуждаются в

²⁰ Тотунов, А. — ж-л «Пограничник» СПб., 1908 г. — № 34

пище и питье, нуждаются в средствах для содержания семейств, воспитания детей и т. п. Неужели священники пограничной стражи своею преданностью Престолу, Отечеству и ревностным исполнением своих прямых пастырских обязанностей не заслужили того, чтобы и им были представлены те же права и преимущества, какими пользуется духовенство военного ведомства? По Высочайше утверждённому 24 июля 1887 года положению Военного Совета, полковой священник в получении содержания сравнен с капитаном — командиром роты, а дьякон — с поручиком. На основании этого положения и священник Корпуса пограничной стражи должен бы быть уравнен в получении содержания (в жаловании и столовых деньгах) с ротмистром пограничной стражи. Но в настоящее время он... получает даже гораздо меньше содержания поручика той же пограничной стражи...» Но, несмотря на тяготы и лишения, служители православной церкви всегда были в одном строю с воинами.

Утерянная в годы революционных потрясений традиция вернулась к пограничникам. Воины границы и Русская Православная Церковь уже на протяжении нескольких десятилетий тесно взаимодействуют. Целью этого сотрудничества является, в том числе, морально-нравственная и социальная поддержка сотрудников и членов их семей посредством реализации совместных программ милосердия и благотворительности.

Осознание «христианского (а именно — православного) подтекста русской литературы как особого предмета изучения" становится одной из важнейших задач литературоведения. Согласно справедливому выводу И.А. Есаулова²¹, литературовед, занимающийся исследованием русской литературы, «вряд ли уже может — без ущерба для своих занятий — совершенно игнорировать действительный масштаб воздействия на отечественную словесность доминантного для русской духовности православного фактора»²².

Подтверждая этот тезис, литературовед О.Е. Вороничев выделяет одно из концептуальных отличий в художественной, концепции личности писателя: жертвенность как идея всего воинства, которая состоит в исполнении заповеди-Спасителя: «Больше сея любви никто же имеет, да кто душу свою положит за други своя»²³. Исследователь обращает внимание на

²¹ Есаулов Иван Андреевич — доктор филологических наук, профессор. Теоретик и историк русской литературы. Родился в 1960 г. в Сибири. Окончил Кемеровский университет. Кандидатскую диссертацию защитил в 1988 г. в МГУ, докторскую в 1996 г. в МПГУ. Автор нескольких книг и более 300 статей, которые публиковались в журналах «Новый мир», «Москва», «Литературное обозрение», «Вопросы литературы», «Грани», «Russian Literature», а также выходили в издательствах МГУ, РГГУ, МПГУ, университетов Бергена, Белграда, Загреба, Кембриджа, Оксфорда, Пекина и других.

²²См.: Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: ПетрГУ, 1995. С. 5.

²³ Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков : Цитата, реминисценция; мотив, сюжет, жанр : сб. науч. трудов / отв. ред. В.Н. Захаров — Петрозаводск:

параллель, которую проводит Ф.Ф. Тютчев: жизнь воина — жизнь святых мучеников. И те, и другие преданно — служат идее, готовы за неё отдать свои жизни. Мученики укрепляют своей жизнью Церковь, её учение, воины-герои укрепляют основы государственного и народного единства: «Кровь, пролитая в боях за Отечество, сплачивает оставшихся в живых и шлёт назидание будущим поколениям. Таким образом, национальная армия является ничем не заменимой важнейшей частью национального организма»²⁴.

Вопрос о диалоге писателя Ф.Ф. Тютчева с ценностной шкалой христианской культуры и о целостности его религиозно-философского мировоззрения, хотя поднимался ещё его современниками, до сих является недостаточно изученным, не осмысленным через доминанты русской православной культуры.

Выводы:

Разрабатывая сюжеты сочинений на военную тему, Ф.Ф. Тютчев ориентировался на православные основы и духовно-нравственные традиции русского воинства. В них, по убеждению писателя, заложен высокий мироустойчивый конструктивный смысл, определявший, в том числе, многие аспекты жизнедеятельности Отдельного корпуса пограничной стражи, поддерживая в нём высокий боевой дух солдат и офицеров, их преданность «Царю и Отечеству».

Из отечественной истории Ф.Ф. Тютчев усвоил, что полагаться лишь на силу оружия — не всегда оправданное дело. Его литературные герои, прежде всего, рассчитывают и надеются на мудрость, любовь и веру тех, кто стоит на рубежах нашего Отечества под благословением Божиим. В творчестве Тютчева представлена христианская картина мироздания с религиозно-нравственными раздумьями автора, воплощённые в литературных образах.

Обращение к религии в поисках цельности духа, обретения надежного ориентира в нравственном совершенствовании человека и преобразовании мира сформировали особенности творчества писателя Ф.Ф. Тютчева. К примеру, он через переживания отца Вениамина с тревогой и болью говорит о множестве безымянных со сгнившим крестами могил, разбросанных по линии границы Российской империи, никем не оплаканных, похороненных пограничников без всякого обряда. Тютчев обращая внимание общества на подобные захоронения российских солдат, подчёркивал нравственную несправедливость к памяти соотечественников.

Петрозавод. гос. ун-т., 2001. — 512 с. — Вып. 3.

²⁴ Журавский А.В. Бог и человек в исламе и христианстве : Ориентация, поиск // Восток в теориях и гипотезах. —1992.

Городков Александр Васильевич,
д-р с.-х. наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный
инженерно-технологический университет»
(Брянск)

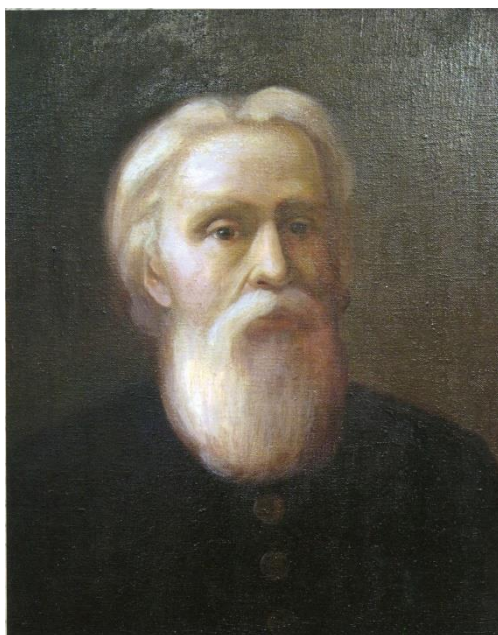
***Культурное и общественное пространство служения Отечеству.
Земские дела и свершения А.А. Тютчева в Мышкинском уезде
Ярославской губернии.***

Часто бывая в славном городе Мышкине, а с недавнего времени проживая там постоянно в летний период, приходится видеть с каким вниманием, уважением и сбережением относится краеведческая общественность к историко-культурному наследию города и района. Благодаря их стараниям и неустанной борьбе, город вышел из тени забвения, обрел полтора десятка музеев, стал одним из популярных центров верхневолжского туризма... Исторический силуэт города, как и ранее, формируют доминанты Спасо-Преображенского и Никольского соборов, а приезжающих и приплывающих гостей среди уютной провинциальной застройки встречает нарядный Тютчевский дом... Несколько десятилетий мышкинское земство в XIX веке возглавлял Александр Алексеевич Тютчев, родной дядя знаменитого поэта. Идея познакомить земляков Ф.И. Тютчева с «хозяином Мышкинского уезда» пришла после прочтения замечательной статьи В. Гречухина, посвященной хозяйственной и общественной деятельности А.А. Тютчева. Пересказать своими словами содержание статьи Гречухина²⁵ я не рискнул, да и вряд ли бы смог. Поэтому кратко передаю слово автору, ярко описывающему деятельность настоящего русского интеллигента, «...осилившего главный и проклятый вопрос русского общества «Что делать?»».

«Когда вчитываешься в старинные документы, просматриваешь давние сметы, журналы, отчеты, то искренне дивишься громадному охвату земских дел, которые вершились при Тютчеве. Отдельной темой рассказа об его организаторских трудах могли являться хлопоты о проведении сельскохозяйственных выставок, по налаживанию севооборота, внедрению машин. Не менее содержательной оказалась бы тема дорожного строительства. Немало любопытного можно увидеть в продвижении в народ полезных сельскохозяйственных, агрономических и животноводческих знаний. Тютчев для Мышкинского земства оказывается неким человеком-эпохой, умело и смело бравшимся за самые разные большие дела и успешно их продвигавшим. И в этом он был прямой противоположностью своему знаменитому дяде, великому поэту, о котором Мережковский в свое время сказал с безжалостной меткостью: «Ум деятельный, не знавший ни отдыха, ни истома, при совершенной неспособности к действию».

²⁵ В. Гречухин. Хозяин уезда//Угличе поле. Историко-краеведческий и литературный журнал. - №15. – 2012. – С. 68-71.

Александр Алексеевич счастливо сочетал талант руководителя и организатора с неустанным трудолюбием в практических делах. Замечательно, что Александр Алексеевич, при всех непростых земских делах и отношениях, для всех в уезде оставался не только самым авторитетным

Александр Андреевич Тютчев (1841-1906). Тютчевский дом (Академия краеведения, г. Мышкин). Руины усадебного дома Тютчевых в с. Знаменское

руководителем, но и самым общественно приемлемым и самым душевно выдержанным. Во всех организационных делах и даже в серьезных разногласиях Тютчев оставался верен тонкому вниманию к своим оппонентам и тактичному продвижению лучших решений.

Чего стоил один лишь поиск средств на большие (а порой громадные!) строительные начинания. Чего стоило склонить возможных жертвователей к добрым деяниям... Чего стоило убедить общество в нужности осуществления в одном из глубинных малых русских уездов издания Полного Собрания Русских Летописей! Господи, да и сегодня-то многим ли было бы нужно и понятно вложение средств на такой научный подвиг! И сегодня-то это было бы дивом дивным. Не слышать, чтобы где-то в районном русском городе было задумано и осуществлено такое издание академического масштаба и характера.

Каким же великолепным тактиком следовало быть уездному земскому вождю, чтобы направить на такое дело труды и средства скромного уездного земства! Какой нужно обладать человеческой обаятельностью и какой «любезностью сердца»...

Нам кажется, что эта «любезность сердца», эта проникновенная забота о светлом и добром лежала в основе всех хороших земских дел и забот Тютчева пока подвигала его на большие и трудные начинания. Вот одно из них.

...Мышкинские земцы были решительными сторонниками самого совершенного стационарного медицинского обслуживания населения. К 1880 году такая форма работы действовала в девятнадцати уездах России, и одним из них был наш Мышкинский уезд. Его поделили на три врачебных участка, открыли там амбулатории и поселили врачей, сформировав для каждого такого места достойный бюджет. Казалось бы, чего не ограничиваться одной городской больницей? Но руководитель земства очень последователен в своих трудах и под его влиянием в бюджете земства определен особый капитал - «Фонд на совершенствование медицинской части в уезде», и он проводит решение о строительстве большой современной больницы в центре дальней части уезда, в селе Рождествене.

Должно быть, многим и думать об этом было страшно (вести большое строительство в Рождествене, в бездорожной низменной зоне, где ни строевого леса, ни кирпича, ни камня, ни даже песка). Это воспринималось чем-то едва не фантастическим. Ведь чтобы доставить туда из Мышкина кирпич, надобно было 1090 подвод. Где их взять?! Документы об этом периоде строительства - это красивые и печальные панорамы надежд и иллюзий, смелого реализма, больших разочарований и трудных одолений.

Сведения о поиске камня, переговоры с владельцами каменистых участков Волги и Корожечны, перечни цен, фамилий, расстояний, сравнительный анализ материальной выгоды и невыгоды - это живое и интереснейшее чтение о тютчевских земских буднях.

Мы видим Александра Алексеевича Тютчева человеком устремленным, граждански твердым и очень строго хозяйственным, сурово внимательным к общественным и пожертвованным деньгам. Копейки и даже гроши неукоснительно соседствуют с сотнями и тысячами рублей. И рядом с командирскими качествами ясно читается сильная душевная сдержанность и высокое самообладание старейшего и ответственного человека и руководителя.

А самообладания надо было иметь много, потому что при глубоком знании жизненных реалий Александр Алексеевич, как и все лучшие земцы России, не был чужд определенной идеалистической веры в народ. И ему доводилось переживать немалые разочарования от встречи своих светлых надежд с обыденной действительностью. Так, крестьяне, еще недавно смертельно напуганные эпидемией холеры и толпами несшие своих детей (главное богатство!) к врачам и фельдшерам, сегодня уже не хотят хоть немного поработать, так сказать, на общественных началах. Отказались от бесплатной возки камня и кирпича, и от возки песка, а соседние волости даже камня со своих рек бесплатно не дают! Вот такой оказывалась реальность...

И все терпеливо преодолевалось, собирались деньги, продолжались встречи с мужиками, и дело шло трудно, но - шло! И вот едва ли не главная радость - крестьяне, еще недавно отказывавшиеся от бесплатного участия, уже идут на это. Богородская волость жертвует 190 рублей 72 копейки. Хоробровская - 744 рубля 15 копеек. Орьевская - 761 рубль 90 копеек. Так, Карповское сельское общество, не имеющее никакого отношения к строящейся больнице (слишком далеко она от Карпова), тем не менее жертвует на нее деньги - вот она, пробуждающаяся гражданская сознательность! А это ведь так важно... Это так трогает сердце земского руководителя...

И больница, первоклассная по тем временам, принята с высокой оценкой! Крестьяне уезда, разбуженные и увлеченные громадными общественно полезными делами, сами берутся за развертывание еще лучшей сети больниц. Они сами строят амбулатории и квартиры врачам в Ново-Никольском и Прилуках. Преодолено-таки равнодушие людское!

И крестьяне обращаются в уездное земство с прошением увековечить имя Тютчева в памяти потомков и присвоить его стационару новой больницы в Рождествене. И ведь была в России больница, стационар которой носил имя Тютчева...

... Когда присматриваемся к трудовым дням Александра Алексеевича, то мы видим его подвигателем всего уездного земского люда на смелые решения. Он умел и найти средства, и найти подход к душе возможного помощателя или жертвователя, и умел поставить работу строго и...

душевно. Если его родственник, великий поэт откровенно смущался и боялся неоглядного пространства России и неоглядного «пространства» ее простонародного населения, то его племянник был способен на реальное улучшение русской жизни и жить не мог без конкретных добрых свершений!

Так кто же он, Александр Алексеевич Тютчев? Настоящий русский интеллигент? Человек, осиливший главный и проклятый вопрос нашей интеллигенции «Что делать?» Свой среди культурного общества и свой в крестьянском пространстве? Кажется, последнее суждение - самое верное.

И, может быть, это и успешный пример подлинной интеллектуализации русской управленческой системы в одном отдельно взятом месте? Конечно, в бескрайней России были и другие, подобные нашему подвиги и прорывы, но их число оказалось не таким уж большим. И мы видим пример мышкинских земцев во главе с Тютчевым одним из таких редких замечательных случаев.

И таким людям и их делам хочется низко поклониться. Ведь отнюдь не вина Александра Алексеевича Тютчева и его друзей, что сегодня на наших сельских просторах, которые заботливо обустроивали они, вновь царствуют уют, нежилы и одиночество...».

За значимые дела последних десятилетий в области сохранения историко-культурного наследия региона хочется поблагодарить В. Гречухина. А в числе многих его свершений и многолетняя борьба за сохранение усадьбы Тютчевых в Знаменском бывш. Мышкинского уезда. С историко-архитектурными особенностями усадьбы мы ознакомили участников конференции в Брянске в 2013 году²⁶. Но, судьба усадьбы, в который дважды бывал великий поэт, остается и сегодня актуальной для краеведческой общественности Мышкина. К «открытию» усадьбы наряду с Г.В. Чагиным также были причастны и мышкинские краеведы. Именно их стараниями удалось спасти от окончательного разрушения руины старого дома Тютчевых, провести обследование сохранившихся объектов, привлечь общественное внимание к судьбе Знаменского. И эта работа продолжается. Свидетельством тому является недавнее обращение мышкинского культурного сообщества к Президенту России с просьбой о внимании, помощи и содействии в деле сохранения усадьбы Ф.И. Тютчева.

Работа мышкинского краеведческого сообщества сегодня является примером для многих крупных городов, пытающихся привлечь туристические потоки и поднять культурный имидж, выгодно показать свое историко-культурное наследие. Малый город России подает пример и в реализации издательских проектов, ежегодно представляя новые книги о Мышкине и его историко-культурном наследии. Можно только удивляться энергии небольшой группы неравнодушных людей, чьими стараниями возрождается славный малый русский город.

Лемешова Марина Алексеевна,
младший научный сотрудник ГАУК «Государственный мемориальный
историко-литературный музей-заповедник Ф.И. Тютчева «Овстуг»
(Брянская область)

Д.Ф. Тютчев - старший сын поэта.

«...непрочность человеческой жизни-единственная вещь на земле, которую никакие разглагольствования и никакое ораторское красноречие никогда не в силах будут преувеличить», - писал Тютчев жене Эрнестине (23 июня 1856). Эта мысль о хрупкости, эфемерности жизни человека в последние годы чаще и чаще навещала поэта. Его преследовали утраты, разочарования, семейные неурядицы, болезни близких и друзей.

Во время предсмертной болезни, первые признаки которой он почувствовал в декабре 1872 г., к Тютчеву привели четырёхлетнюю внучку, дочь его покойного старшего сына Дмитрия. Глядя на ребёнка и намекая на свои утраты последних лет, поэт сказал: «Это цветок, растущий на могилах». *(записано со слов О.Д. Дефабр, урожденной Тютчевой, внучки поэта)*. В памяти девочки запечатлелся облик больного деда, лежащего на придвинутой к окну кушетке, и огромный букет сирени у его изголовья». Это была единственная дочь старшего сына Тютчева и Эрнестины Дмитрия, чей ранний уход из жизни тяжело переживали в семье.

Рождение первого сына Дмитрия было для Ф.И. Тютчева долгожданным и радостным событием. Вот что он пишет в письме родителям: «Моя жена родила мальчика, я был очень рад, что на этот раз появился мальчик. В этом случае все доставило мне удовольствие, все, кроме вопроса об имени, которое я оказался вынужден дать ребенку. Вы знаете о моём отношении к Дмитрию Петровичу Северину (восприемник при крещении ребенка). Он питает ко мне и ко всей моей семье живейшую страсть. Он был крестным отцом моей младшей девочки и настоял на том, чтобы быть так же крестным отцом новорожденного, тем более, что мальчик. Не было возможности отклонить его предложение, не обидев его. Но не было так же возможности, изъявив согласие на то, чтобы он был крестным отцом, не согласившись принять и его имени, и вот почему этот ребенок, предопределенный называться Иваном или Николаем, получил имя Дмитрия. Я был очень раздосадован этим и моя жена тоже, это было неизбежно»²⁷.

В письмах к жене и дочерям Тютчев сообщает о том, как растет его наследник, какое воспитание получает, каково его окружение, просит жену поцеловать мальчиков. Он просит Эрнестину Федоровну чаще сообщать о детях, обижается на её «молчание», жалеет об его отсутствии в Овстуге: «...я мысленно перенесся в овстугскую церковь и встречал вас всех у входа, одного за другим, заранее наслаждаясь вашим удивлением при виде меня там. Затем, по окончании обедни, мы все вместе вернулись домой по аллее,

²⁷ Летопись «Жизнь и творчество Ф.И. Тютчева» стр. 240

так хорошо знакомой мне с детства, потом мне подали завтрак на балкон со стороны нижнего сада... Мари разливала чай, ты, по обыкновению, разговаривала с Нуну (одна из собак Эрнестины Федоровны), я – с Полонским. Мальчики где-то пропадали...»

Забота о детях, об их воспитании и образовании, думы о судьбах России – обо всем этом Тютчев не просто писал жене в Овстуг, а беседовал с ней в письмах, дорожа её мнением. Разделявшее их расстояние как будто исчезало, и эта переписка была для него жизненной необходимостью.

Следующее письмо Тютчева: «Вот еще две почты ничего не принесли мне. Но я знаю из письма, которое Дмитрий получил вчера от своей сестры, что ты не больна. Сама же ты не затрудняешься мне это сообщить. Мы с бедным Димой в совершенном унынии. Ещё недавно вы говорили о вашем возвращении. Но вчерашнее письмо об этом умалчивает».

Он сообщает жене о пожаре в доме и о том, что мельком видел Дмитрия, который вновь обрёл своего Пилада (герой древнегреческих мифов). Тютчев шутливо называет Пиладом друга своего сына – В. Желеховского). По-моему, мальчик переживает сейчас счастливейшие минуты. Он признался мне, что очень скучал в деревне»²⁸.

В письме из Царского Села Тютчев пишет о прекрасной погоде в Павловске: «На днях я думал, что мне удалось убедить Дмитрия побывать вместе с другом у меня в Павловске. Китти, со своей стороны, всячески старалась склонить его навестить её в Царском. – Но, по-видимому, друг отверг все эти проекты. Короче говоря, они не позволили посягнуть на свою гордую независимость... Слишком большое сопротивление столь мало на них оказываемому влиянию. Ничего нет нелепее молодёжи...»²⁹.

Эрнестина в переписке с семьёй Вяземских пишет о Дмитрие, здоровье которого всегда интересовало дружеское семейство: «...Я нашла коротышку Дмитрия (так шутливо называл Дмитрия Вяземский) всё еще очень низкорослым, что меня тревожит. Ему бы тоже поехать на настоящие морские купанья за границу – а не эти купанья на Балтике, где нет ни соли, ни волны. А только один холод – на купанья на Северном море. Однако он уже принадлежит своему Отечеству, и я буду лечить его искусственными морскими ваннами и рыбьим жиром. Он хорошо учится, и поведение у него удовлетворительное. Пансион, в котором он находится, подходит его слабому здоровью. Его там хорошо кормят, хорошо содержат и учеба отнюдь не заброшена...»

Находясь с Дмитрием на лечении в Гапсале, она пишет: «...«...Передайте мои поздравления княгине с тройным днем ваших именин и не забудьте передать поклон вашему сыну и г-ну Петруше, которому Дмитрий кланяется от всего сердца. Наш милый дружок все еще принимает предварительные лечебные ванны, поскольку море пока слишком холодное и бурное и принятие холодных ванн отложено до окончания бури. – Несмотря

²⁸ Письма Ф.И. Тютчева Т. VI стр. 169

²⁹ Летопись «Жизнь и творчество Ф.И. Тютчева» стр. 143

на превратности сезона, дети постоянно находятся на воздухе, и если им суждено вырасти, то ничто не помешает этому при нынешнем режиме. Одна из самых больших радостей Дмитрия – раздавать хлеб бедным. Ничем нельзя выразить нищету народа этого бедного уголка земли. Дело доходит до того, что и мужчины и женщины всегда предпочитают кусок хлеба деньгам. Они не знают, что делать с деньгами, на них нечего купить, но они постоянно трудятся, чтобы заработать их. Вчера дети бросили куски старого хлеба уличной собаке, тотчас же на них набросилась толпа маленьких попрошайек, и надо было видеть, с какой жадностью они поедали жалкие отбросы».

Семейство Вяземских было обеспокоено здоровьем и учёбой Дмитрия, и Эрнестина 24 ноября 1849 г. пишет друзьям из Петербурга: «...«...Вы будете смеяться и подшучивать надо мной, когда я вам скажу, что мы тоже попались на удочку Сюзора!.. Удочку, по правде говоря, не коварную или менее коварную, чем западня литературных сеансов бедного школьного учителя – но вот как все случилось. Деревенский воздух, свобода сельской жизни сделали за лето из Дмитрия такого необузданного мальчугана, что после возвращения в узкие рамки нашей квартиры на *Моховой* мы поняли необходимость подчинить юного дикаря авторитету, более внушительному, чем уже пошатнувшийся авторитет гувернантки, няни и др. Мы уже думали, что делать, как вдруг нам на глаза случайно попала программа пансиона Сюзора. Мой муж, наверное, еще больше меня измученный ежеминутными буйными проявлениями жизненных сил своего сына, сразу зажегся и увидел знак Провидения в программе пансиона, только что устроенного в двух шагах от нас под руководством человека, в честности и добрых намерениях которого он не имел никакого основания сомневаться. Он призвал меня следовать этому знаку, и в конце концов тщательно и надлежащим образом ознакомившись с предметом, я решилась доверить Дмитрия надзору Сюзора в качестве пансионера-экстерна.

Три месяца спустя после того, как бедный мальчик поделал первые шаги на суровом пути жизни, я должна признать, что ничуть не раскаиваюсь в решении, принятом, одному Богу известно, с какой осторожностью. Как введение в материал, как первый шаг на пути учебы, пансион Сюзора хорош, смею вас заверить, но для нас главное его достоинство в близости к нашему дому.

Собираясь покинуть *Моховую*, я не знаю, решусь ли оставить Дмитрия здесь, но в любом случае – что делать? воспитывать его дома? У нас нет, а главное, и не будет для этого средств позднее, когда понадобятся хорошие учителя. И потом может случиться не знаю что, и он попадет в казенное учебное заведение, и, имея это в виду, будет неплохо, если он заранее постепенно привыкнет к школьной жизни. Я знаю от Дмитрия, что Сюзор очень отличает юного Ладомирского – явно это жемчужина в его короне. Между прочим, у него уже 44 ученика, и, следовательно, можно говорить, что его заведение приносит ему золотые горы. Но в самом деле – уже слишком много о Сюзоре и Дмитрие, особенно на таком большом расстоянии. Я должна покорно попросить прощения у вас за то, что

представила вас совсем рядом и объяснила мой случай, как если бы разговаривала с вами».

На это письмо Вяземский отвечает: «...Чтобы ко мне вернулось доброе настроение, я должен увидеть, как Дмитрий возвращается из пансиона с тетрадами и книгами подмышкой. Я уверен, что у него должен быть важный и забавный вид, который бы привел меня в счастливое состояние. Увидеть Вигеля, раз-ворачивающего литографированный портрет Чаадаева, тоже очень бы пришлось мне по вкусу. Но здесь мы начисто лишены таких счастливых событий, составляющих повседневный хлеб жизни».

Эрнестина жалуется на холодный, влажный климат Петербурга, но состояние здоровья Дмитрия вынуждает её оставаться там: «Дмитрий, бедняжка Дмитрий требует моего присутствия, и, если верить словам моего мужа, он тоже с трудом переносит свою участь пребывания вторую зиму без семьи и, так сказать, на постоялом дворе».

Дмитрий с мая 1852 г. находился в пансионе Тами. Тютчеву нравилась атмосфера пансиона, он общался с супругами Тами. Однако его огорчало, что Дмитрий с трудом осваивался с непривычным окружением: «Наш бедный мальчик весьма страдал от той скованности и принужденности, которая всегда охватывала его в незнакомой обстановке».

Он договорился с Тами о воскресных отпусках для сына: «В минувшее воскресенье я ездил навестить Дмитрия. Он чувствует себя прекрасно и выглядит вполне довольным, супруги Тами также довольны соглашением относительно воскресных праздничных дней»³⁰.

Когда Дмитрий захотел оставить пансион и перейти в гимназию, Тютчев посвящает вопросу о дальнейшей судьбе сына письмо Эрнестине: «Я полагаю, что не следует изменять нынешнее положение вещей. Принимая во внимание его личность, со всеми его особенностями, добрыми и дурными, надеяться можно лишь на одно: только люди, которые знают Дмитрия на протяжении долгого времени, которые его изучили и, главное, искренне к нему расположены, могут иметь на него влияние. Все иные ситуации, уже по одному тому, что они будут новыми, повлекут за собой большие осложнения»³¹. И Дмитрий вскоре отказался от идеи -покинуть пансионат.

В послании к брату Николаю Тютчев сообщает о болезни своей жены: «... она собиралась выехать из Петербурга, но тут как нарочно заболел Дмитрий-и он-то теперь главное препятствие к их отъезду, который, впрочем, надеюсь, всё-таки на днях состоится. Я собираюсь проводить жену до Москвы, но на этот раз мне нельзя будет пробыть с вами долго, т. к. собираюсь приехать в Москву к тому времени»³².

Когда в 1858 г. выяснилось, что Дмитрий серьезно болен, врачи настоятельно рекомендовали ему проживание за границей: «....бедный Дмитрий находится весьма в плачевном состоянии. Доктор Карел нас не

³⁰ Летопись «Жизнь и творчество Ф.И. Тютчева» Книга 2 стр. 149

³¹ Летопись «Жизнь и творчество Ф.И. Тютчева» Книга 2 стр. 268

³² Письма Ф.И. Тютчева Т. V стр. 233

утешает-он говорит, что Дмитрий болен очень серьезно и во всяком случае болезнь продлится очень долго... что в нашем климате он никогда не поправится».

Жене в Петербург с тревогой сообщает: «Вот прежде всего бюллетень о состоянии здоровья Димы (уже было ясно, что сын был болен тяжелым пороком сердца) таков, как он мне был продиктован его врачом-гомеопатом: отсутствие лихорадки, уменьшение слабости и боли в левой руке, одним словом, некоторое улучшение, подающее надежду на то, что через неделю он сможет быть перевезен в Ораниенбаум. Несмотря на все это, положение бедного мальчика, еще более с нравственной стороны, чем с физической, в двадцать шесть лет обреченного на существование старика, раздирает мне душу. По совету врача в его спальне вынули двойные рамы, чтобы дать воздуху свободный доступ в его комнату. Я учащаю свои возвращения домой, чтобы больше его видеть, и тем не менее у него бывают часы одиночества, которые он проводит в дремоте и постоянной испарине».

Тютчев был очень обеспокоен состоянием Дмитрия и с надеждой торопится порадовать жену: «Я очень рад возможности ознаменовать день рождения Димы сообщением, что бедному мальчику гораздо лучше и что доктор, осматривавший его вчера, разрешил ему прокатиться завтра в карете. Вчера и третьего дня к нему всею семьей заходили Мельниковы (речь идет о семье придворного конюшенной конторы А.П. Мельникова, на дочери которого, Ольге Александровне, в 1968 г. женился Дмитрий) и обещались вновь навестить его сегодня. Послезавтра они приезжают в Ораниенбаум, куда я надеюсь вскорости доставить им их приемное чадо».

Через несколько дней Тютчев сообщает дочери Анне о том, что ему (в Петербурге) страшно сиротливо: «Вчера даже Дмитрий укатил от меня в Ораниенбаум, под крылышко Мельниковых – и после этого последнего отъезда мною уже совершенно завладело ощущение одиночества, не прогоняемое никакой суетой, никакими приглашениями на обеды и т.д. я немного похож на человека, которой, будучи при полном параде, чувствует себя голым, потому что на нем нет нательной рубашки...»³³.

И снова обращается в Овстуг с извинениями, что не поехал туда, вернувшись в Петербург: «Итак, Дмитрий вновь водворился под отчим кровом, и вчера мы вместе ходили в Русскую оперу, где давали «Страделлу»³⁴ (романтическая опера немецкого композитора). Постановка была весьма удовлетворительной». «Димино здоровье вполне удовлетворительно. Он все время на ногах, иногда занимается со студентом, который к нему заходит. Я наслаждаюсь его соседством, но без навязчивости, то есть предоставляя ему полную и неограниченную свободу действий. – Не думаю, чтобы он мог сказать когда-либо, что отеческий кров слишком тяготел над ним. – У нас совершенно разный распорядок дня, и нам почти не случается вместе обедать, но мы часто встречаемся за завтраком».

³³ Письма Ф.И. Тютчева Т. V стр. 241

³⁴ Письма Ф.И. Тютчева Т. VI стр. 261

«Сейчас, когда я пишу эти строки, всюду сияет солнце. Небо голубое, прелестного дымчатого оттенка. Мне хочется верить, что тот же самый свет заливает в настоящую минуту Овстуг, золотя увядающую листву деревьев и глянцевою грязь тропинок.

Намедни мы с Димой устроили вечер. Вечер был политико-литературным. Я уже давно обещал собрать у себя господ из органов печати и комитетов. Чай, мороженое и пунш сдабривали это празднество, которое из моей спальни выплеснулось в большую гостиную. Разошлись в час ночи. Щука отнесся к сему мероприятию с полной серьезностью. Издержки составили 7 рублей»³⁵.

Когда Тютчев узнает о женитьбе Дмитрия на О.А. Мельниковой, он делится своими мыслями об этом событии с братом Н.И. Тютчевым: «Предстоящий брак, конечно, довольно своеобразен. Точно ребенок, который из любви к своей доброй няне вдруг бы женился на ней. Но так как бедному Диме, кажется, уже предназначено в некоторых отношениях всю жизнь оставаться ребенком и, следовательно, нуждаться в няне, то подобный брак и был для него единственно возможный, единственно целесообразный. Она, - будущая жена его, - очень добрая, разумная девушка, уже отрекшаяся было от всякого замужества и только вследствие своей почти материнской заботливости о Дмитрие решившаяся, на конец, и не без труда, выйти за него замуж... Вся эта история несколько оживила во мне память о моих страстных отношениях во время оно к давно минувшему Николаю Афанасьевичу». (14 июня 1868 г. Дмитрий женился на Ольге Мельниковой, на 11 лет старше него)³⁶.

Несколько слов о семье, которая занимала значительное место в жизни старшего сына поэта. Мельникова Ольга Александровна (родилась 14 июня 1830 г.) в семье Мельникова Александра Петровича (1797-1873), советника придворной конюшенной конторы. Придворная конюшенная контора – в Российской империи в Министерстве Императорского Двора канцелярия, заведовавшая всеми расходами на содержание конских ассигнованных заводов. Контора размещалась в Санкт-Петербурге в собственном доме. С отцом будущей невестки Тютчевы были знакомы. В письме к Эрнестине 9 сентября Тютчев сообщал: «Намедни на первом большом придворном балу я очутился за ужином около незнакомого генерала, который вдруг обращается ко мне с вопросом, как поживает (его) милый Дима и помогли ли ему ванны Аренсбурга. Этими словами он себя назвал. Мой собеседник, как ты догадываешься, был генерал Мельников умный человек».

К моменту женитьбы Дмитрий окончил физико-математический факультет Петербургского университета. Павел Петрович Мельников (сын 2-ой жены Петра Петровича, усыновленный Мельниковым) - учёный в области железнодорожного транспорта. Участник проектирования и строительства железной дороги Петербург-Москва, министр путей сообщения Российской

³⁵ Письма Ф.И. Тютчева Т. VI стр. 281

³⁶ В. Парыгин, В.П. Алексеев. Книга «Из противоречий сотканный талант»

империи в 1865-69 гг. Он и предложил мужу своей племянницы место в канцелярии Министерства путей сообщения, и Дмитрий с головой окунулся в железнодорожные дела. Однако судьба отвела ему только 2 года семейной жизни и службы в МПС: 11 июля он скончался.

Об увлечении старшего сына Эрнестина сообщает в письмах к двоюродной сестре Берте 29 апреля 1869 г.: «... прошу прощения за то, что три месяца не отвечала на ваше последнее письмо. Я была всю зиму очень занята, скорее встревожена, прежде всего из-за ипохондрии, в которую впал мой сын Дмитрий, причину её мы никак не могли выяснить. А это было не что иное как страстное чувство, которое мой бедный мальчик питал вот уже три года к девушке, правда, намного его старшей, но вполне достойной быть им любимой».

Позднее не без гордости сообщает о том, с каким рвением и настойчивостью учится Дмитрий: «Надеюсь, что Богу будет угодно благословить его усилия и увенчать их успехом. Университетские экзамены состоятся в мае».

Опасение за здоровье старшей дочери Анны, родившей мертвого ребенка, вызывало у Тютчева беспокойство за её душевное состояние, и он пишет ей ласковое письмо, в котором сообщает между прочим о Дмитрие: «Твой брат, чье здоровье значительно улучшилось, собирался тебе написать и спрашивал у меня твой новый адрес... который я, в свою очередь, спрашиваю у тебя, заклиная не забыть мне его переслать...».

В 1860-е начале 1870-х гг. на долю Тютчева и его жены выпали тяжелые испытания. Они пережили смерть сына Дмитрия и дочери Марии. Сложной оставалась и семейная жизнь.

В 1870 году Дмитрия не стало. В 1872 г. Тютчев писал Анне: «Сегодня, как ты знаешь, 40-й день со смерти Мари и 2-я годовщина смерти Дмитрия. Судьба за короткий срок собрала богатую жатву. Не считая прочих смертей, следовавших одна за другой в эти два истекших года. Так в любом существовании наступает пора великого опустошения, и если уж это началось, одному Богу известно, где конец... Ах, бедный милый мальчик! Он умер, вовсе не подозревая, до какой степени был мне дорог, и сам я, быть может, никогда вполне не отдавал себе отчета в этом»³⁷.

В письме к Е.К. Богдановой Тютчев благодарит её за участие: «Да, я и думал, что смерть моего бедного Дмитрия не оставит Вас равнодушной. Вы так хорошо её поняли со свойственной Вам интуицией. Я охотно послал бы Вам письмо Мари, содержащее подробности о последних минутах этого бедного, дорогого мальчика, но боюсь, что это будет слишком объёмисто». Мария Тютчева ненадолго пережила своего брата и в письмах с тревогой и болью писала о его болезни и смерти:

3 февраля 1868 г.: «...у Димы снова был приступ сплина и боли в сердце, которые мешают ему спать. Мама решила вызвать доктора, который высказывает мнение других врачей, т.е. что болезнь хотя и не излечима, но

³⁷ Из газетной статьи

всё же не так опасна, и можно чувствовать себя неплохо, если быть осторожным. Он не настаивает на необходимости ехать за границу...».

16 августа 1870 г. Овстуг: «...Бог справедлив и милосерден, воспоминания о последних минутах Димы, которые были спокойными, должны были смягчить горечь нашего эгоистичного сожаления, часто, размышляя об этом, я преисполняюсь признательности, но, увы, природа берёт верх и снова нужно начинать борьбу. Каждое утро мы присутствуем на Богослужении, но я с грустью предвижу окончание 40 дней, что лишит меня этого ежедневного утешения. Я причастилась, и рада была причаститься 8-го, дата его последнего причастия, и день в день 4 недели он закрыл глаза. О как он счастлив, что оставил этот мир скорби, но как грустно думать, что мы не увидим его больше».

«Ольга мне часто пишет о моей дорогой Каплюшке, которой деревенский воздух дал расцвести, она по-прежнему зовет своего отца, целует его портрет, бедное маленькое создание, потеряв отца, она много потеряла! (А тем временем Мельниковы испытали новый удар, наша бедная Ольга должна отправиться в Англию к своей сестре Казаковой. За 5 дней эта бедная женщина потеряла двоих детей, очаровательную девочку 3 лет и годовалого мальчика, они умерли от ангины. Заботы г-жи Мельниковой были необходимы Каплюшке. Ольга решилась уехать, чтобы поддержать сестру в её страшном горе, я на неё не сержусь за это вынужденное предательство, тем более что в Берлине она встретится с дядей Павлом Мельниковым. Но последнее письмо меня огорчило, настолько она удручена из-за матери, которая обижает своих внуков, и из-за сестры, она-чудесное, но очень глупое создание, и имела несчастье... назначение её мужа в Англию в качестве представителя военного флота, она предчувствовала, что дети, лишенные заботы бабушки, подвергаются большому риску и очень боялась разлучиться с семьей, и вот теперь в чужой стране её жизнь начинается с ужасного несчастья, нужно было, чтобы кто-то к ней поехал, и Ольга единственная, кто может это сделать, она мне говорила: «Я в этом состоянии не способна присматривать за девочкой, я очень буду бояться ответственности, и особенно не соглашусь оставаться с ней в деревне вдали от медицинской помощи». Она права, её опыт в воспитании маленьких детей очень ограничен, и сейчас в этом угнетённом, физически и нравственно, состоянии она не может быть девочке полезной. Она будет отсутствовать 4 недели, надеюсь, путешествие пойдёт ей на пользу, потому что оно необходимо».

Самым старым из сохранившихся на сегодняшний день документов («Реликвии семьи Тютчевых»)- является копия формулярного списка, выданная Ф.И. Тютчеву в 1855 г. для предоставления в Ларинскую Петербургскую гимназию, куда поступал Дмитрий. Старший сын должен был унаследовать родовое имение в Овстуге.

Единственная дочь Дмитрия и Ольги Александровны Ольга сберегла медную пластинку с надписью: «Дорогому внуку Д.Ф. Тютчеву от бабушки

Екатерины Львовны». Видимо, пластинка была на книге или иконе, подаренной ею долгожданному первому внуку³⁸.

Ранняя смерть Д.Ф. Тютчева роковым образом повлияла на судьбу родового имения Тютчевых в Овстуге, ведь именно он, по замыслу родителей, должен был унаследовать эту усадьбу. В память о нём Эрнестина Федоровна приказала отлить колокол для Успенской церкви весом в 29 пудов - именно таким оказался жизненный срок их старшего сына Дмитрия.

Все оставшиеся годы Эрнестина будет особенно чтить дни рождения и кончины своих дорогих усопших: мужа, дочери Марии и сына Дмитрия. Она никогда не забудет о желании Дмитрия доказать свою преданность родине, о его мечтах стать казаком (военным). Серьёзная болезнь нарушила все планы и мечты, повлияла на судьбу родового имения Тютчевых, подорвала физическое и духовное здоровье великого поэта, его отца.

Семейная драма нашла отражение в переписке, в творчестве Ф.И. Тютчева: тема хрупкости, недолговечности человеческой жизни станет одной из центральных тем его жизни.

Как дымный столп светлеет в вышине!
Как тень внизу скользит неуловима!
«Вот наша жизнь,-промолвила ты мне,-
Не светлый дым, блестящий при луне,
А эта тень, бегущая от дыма...»

Болезнь и ранняя смерть Дмитрия Тютчева не дала возможности осуществиться его мечтам и планам. Но из сохранившихся свидетельств, писем и воспоминаний складывается образ доброго, чуткого, способного юноши, который всегда ратовал за освобождение крестьян, более справедливое устройство их жизни и оставил самые добрые отзывы о себе многих знавших его людей.

³⁸ Из статьи «Реликвии семьи Тютчевых»

Фомин Степан Сергеевич, Минкин Кирилл Сергеевич (соавтор),
студенты Филологического факультета ФГБОУ ВО "Брянский
государственный университет имени академика И.Г. Петровского"
(Брянск).

***Художественная интерпретация поэтического творчества
Тютчева его современниками.***

Федор Иванович Тютчев - весьма противоречивая фигура в русской литературе серебряного века. Мы привыкли считать его великим поэтом, а во всех справочниках указывать это «звание» первым, и лишь через запятую упоминать о его дипломатической миссии. Но ведь сам публицист никогда не считал себя поэтом. Тютчев лишь записывал некоторые мысли на клетчатой бумаге, не придавая им особого значения. И лишь благодаря близким людям, окружавшим поэта, многие стихотворения были опубликованы с согласия автора, однако он сам не принимал никакого участия в компоновке сборника, в виду чего в «Современнике» 1854 года вышли даже самые ранние стихотворения, которые Тютчев вряд ли допустил бы до публикации. И всё же стоит понять: Тютчев- это поэт мирового масштаба или всё же политик, случайно записывавший мысли на клочках бумаги? Чтобы окончательно разобраться в этом вопросе, стоит прибегнуть к восприятию его творчества литературными современниками.

Художественно-образная интерпретация поэзии предполагает осмысление и оценку произведения на основе усвоения обобщенных знаний о литературе. Но мысли о поэзии, суждения о ней и ее художественной форме должны опираться на содержательное восприятие конкретного лирического произведения самим автором. Так, именно поэты, лично знакомые с автором, могут подчеркнуть являются ли произведения Тютчева поэтическими шедеврами за счёт общих знаний о литературе и общения с самим Ф. И Тютчевым. За счёт последнего они так или иначе могут понять то самое содержательное восприятия автора, то есть его личное отношения к произведениям. Говоря о термине «художественная интерпретация», обязательно стоит учитывать три компонента: объект, интерпретатор и результат данной интерпретации. Нашем исследовании объектом выступает поэзия Ф. И. Тютчева, интерпретатор- современник Тютчева, а конкретно, поэты, знавшие его лично; результатом интерпретации будет являться выводом к исследованию. Стоит понимать, что восприятие того или иного произведения происходит в два этапа: первичный (творчески-образный) и вторичный (научный). Творчески -образная интерпретация базируется на общих впечатлениях и понимании художественного произведения при прочтении. Научная же- строится на целостном анализе, она претендует уже на статус объективной истины и от которой поэтому требуется фактическая, логическая и эмоциональная доказательность. В данном исследовании рассмотрены элементы обоих этапов.

По достоинству Ф.И.Тютчева оценивали действительно многие современники. Например, Н.А.Некрасов, отличающийся острым

критическим взглядом на поэзию, относит стихотворения Тютчева к «немногим блестящим явлениям в области русской поэзии». В статье «Русские второстепенные поэты» Некрасов пишет: *«Несмотря на заглавие наших статей, мы решительно относим талант г. Ф. Т-ва к русским первостепенным поэтическим талантам»*. По его мнению, главное достоинство стихов Тютчева заключается в *«живом, грациозном, пластически верном изображении природы»*. Он называет стихи поэта «картинами» и ценит в них именно искусную передачу пейзажа. Не оставляет Некрасов без внимания и философскую лирику Фёдора Ивановича, попутно выказывая комплименты и самому поэту (на примере «Как птичка раннею зарёй»): *Грустная мысль, составляющая его содержание, к сожалению, сознается не всеми «пережившими свой век» с таким благородным самоотвержением...»* Резюмируя Николай Алексеевич пишет: *«Во всех этих стихотворениях есть или удачная мысль, или чувство, или картина, и все они выражены поэтически, как умеют выразиться только люди даровитые»*.

В этой же статье Некрасов называет и свой любимый стих Фёдора Тютчева: «Я помню время золотое». Его Николай Алексеевич одарит самой высшей похвалой: *«...стихотворение, которое принадлежит к лучшим произведениям г. Ф. Т-ва, да и вообще всей русской поэзии. Прочитав это стихотворение, читатель, конечно, согласится с нами в том, что сказали мы о таланте г. Ф. Т-ва; нет сомнения, от такого стихотворения не отказался бы и Пушкин»*.

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край.
День вечерел; мы были двое;
Внизу, в тени, шумел Дунай.
И на холму, там, где, белея,
Руина замка вдаль глядит,
Стояла ты, молодая фея,
На мшистый опершись гранит,
Ногой младенческой касаясь
Обломков груды вековой;
И солнце медлило, прощаясь
С холмом, и замком, и тобой.
И ветер тихий мимолетом
Твоей одеждою играл
И с диких яблонь цвет за цветом
На плечи юные свесал.
Ты беззаботно вдаль глядела...
Край неба дымно гас в лучах;
День догорал; звучнее пела
Река в померкших берегах.
И ты с веселостью беспечной
Счастливый провожала день;

И сладко жизни быстротечной
Над нами пролетала тень.

В этом стихотворении мы ясно видим всю глубину таланта Фёдора Ивановича. Грациозность стиха, так удачно подмеченная Некрасовым, раскрывается здесь в полной мере. Непринужденно и элегантно сплетены образы в стихе. Мы наблюдаем за мимолётной встречей двух возлюбленных в руинах замка-долгожителя. Быстротечность этого момента, плавно перетекает на всю человеческую жизнь, что раскрывается в метафоричных образах тихого ветра и тени. Мимолётные порывы будто ускоряют пришествие тени, которая ещё в начале стихотворения пролетает над Дунаем, а в конце уже надвигается на возлюбленных. Быстротечность человеческой жизни переплетается в элегии ещё с двумя образами: руины замка и природа. В единстве этих образов прослеживается иерархия всего земного бытия: быстротечная жизнь человека, вековое человеческое творение и вечная природа. На примере одного этого стихотворения мы видим наглядный пример тех ярких черт поэзии Тютчева, а также единство главных достоинств произведений поэта, которые выделяет Н.А. Некрасов: удачные пейзаж, чувство и мысль.

И.С. Тургенев более критично высказывается о творчестве Фёдора Тютчева. В статье «Несколько слов о стихотворениях Ф.И. Тютчева» он разбирает все его сильные стороны и недостатки как поэта. Тургенев говорит о ситуативности написания стихов Фёдора Ивановича, их искренности, чувственности, но подмечает и недостаток речевой художественности, большей осмысленности в выборе слов: *«у него часто попадают устарелые выражения, бледные и вялые стихи, он иногда как будто не владеет языком; внешняя сторона его дарования, та сторона, о которой мы упомянули выше, не довольно, быть может, развита; но все это выкупается неподдельностью его вдохновения, тем поэтическим дуновением, которым веет от его страниц...»* Минусы поэзии Тютчева вполне объяснимы его отношением к сочинению в целом. Поэт не относился к этому серьёзно, а выражал в стихах свои мысли, с которых всегда и начинались его творения. Но мысли эти пробуждали в Тютчеве сильные чувства и всегда были неразрывны с авторским мироощущением.

Не смотря на ситуативность написания стихов, в них есть тонкий вкус *«плод многостороннего образования, чтения и богатой жизненной опытности»*. Тургенев, для характеристики творчества Фёдора Ивановича использует точное сравнение: *«Фиалка своим запахом не разит на двадцать шагов кругом: надо приблизиться к ней, чтобы почувствовать ее благовоние»*. Иван Сергеевич говорит о том, что стихотворения поэта необходимо понять и осмыслить, чтобы увидеть в них красоту.

Резюмирует Тургенев рассуждениями о успехе поэзии Тютчева. Он предвидит его стихам не громкую популярность, а *«глубокое и теплое сочувствие всех тех, которым дорога русская поэзия, а такие стихотворения, каковы – Пошли господь свою отраду...и другие, пройдут из конца в конец Россию и переживут многое в современной литературе, что*

теперь кажется долговечным и пользуется шумным успехом. Г-н Тютчев может сказать себе, что он, по выражению одного поэта, создал речи, которым не суждено умереть».

Исходя из вышесказанного мы понимаем, что хотя Тургенев и отнесся к анализу поэзии Тютчева намного более критически, чем Некрасов, он удостаивает его ничуть не меньшей похвалы. Он также, как и Алексей Николаевич считает его «одним из самых замечательных русских поэтов». И.С. Тургенев и Н.А. Некрасов сильно впечатлились творчеством Тютчева, настолько, что горячо рекомендовали его стихи Льву Николаевичу Толстому, позже написавшему: *«Когда-то Тургенев, Некрасов и компания едва смогли уговорить меня прочесть Тютчева, но зато когда я прочел, то просто обмер от величины его творческого таланта».*

Рассмотренные мнения позволяют нам говорить о том, что современники Ф.И. Тютчева интерпретировали его именно как поэта, причём весьма талантливого и даровитого. Он считался таковым не только рядовым читателем, но и «гигантами» русской литературы той эпохи.

Дебольская Нина Геннадьевна,
младший научный сотрудник ГАУК «Государственный мемориальный
историко-литературный музей-заповедник Ф.И. Тютчева «Овстуг»
(Брянская область).

Ф.И. Тютчев. Поиски истинного христианства.

Философ И. Ильин в работе «Аксиомы религиозного опыта» написал: Ломоносов, Державин, Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Тютчев молятся почти в каждом своем стихотворении».

Фамилия «Тютчев», упоминаемая в этом ряду, наводит на мысль о том, что внутренней драме Тютчева, пребывавшего на пороге «двойного бытия», на грани веры и безверия, скорее у церковной ограды, нежели в ней, не уделено заслуженного внимания. Между тем, как справедливо говорит Борис Тарасов в работе «Земное и небесное в творчестве Ф.И. Тютчева», раскрытие этой темы позволило бы несколько иначе взглянуть на конфигурацию тем и проблем в творчестве поэта, на соотношение «катехизисных» и философских элементов и т.п. невозможно понять смысл многих тютчевских строк, не зная его напряженного поиска Истины, сложного пути его чувств, мыслей и переживаний. Многие строки поэта являются по сути парафразами, неявным цитированием из Евангелия, слов Спасителя. Скажем, последние строки стихотворения «Чему бы жизнь нас ни учила...» перекликаются со словами: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих», ... Претерпевший же до конца спасется». А в стихотворении «Наш век» Тютчев прямо опирается на Евангелие, несомненно указывая на причины немощи человеческого я – перед жизнью, миром, роком. Иисус сказал ему: «если сколько-нибудь можешь верить, все возможно верующему. И тот час отец отрока воскликнул со слезами: верую, Господи! Помоги моему неверию» да и известное «Умом Россию не понять» тоже ставит перед выбором: вера или рассудок.

Из совокупности его собственных признаний, свидетельств родных и современников, биографических данных, соединенных с влиянием специфического, т.е. «ставрогинского» состояния человека эпохи («неверием палим и иссушён», он к свету рвется из ночной тени» («Евангелие: «Бог есть свет») и «свет обретши, ропщет и бунтует, выстраивается сложный духовный облик поэта как «воплощенного парадокса».

Свидетельство Анны Тютчевой: «Какая разница между натурой моего отца, его умом, таким пламенным, таким острым, парящим так смело в сферах мысли и особенно воображения, но, беспокойным, не твердым в области религиозных убеждений и нравственных принципов».

Любопытно вспомнить мысль Дмитрия Мережковского: «Русская поэзия больна, потому что больна Россия. Больна, заражена, отравлена. Чистейший кристалл этого яда или чистейшая культура этой бациллы – в Тютчеве. И никто не знает о нем, как зараженные не знают о первом больном... Лучше всех врачей больной знает боль свою, потому что знает её

изнутри... Его болезнь – наша: индивидуализм, одиночество, безобщественность».

Зин. Гиппиус: «Если мы, редкие, немногие из теперешних, /1904/ почуяли близость его и его Бога, - то ведь нас так мало! И даже для нас он, Тютчев, всё-таки из прошлого, и его Бог не всегда, не всей полностью – наш Бог».

Тютчев с тягостью носил в себе свойственные времени яды сомневающегося рассудка («Наш век»). По наблюдению И.С. Аксакова, недостижимая высота христианского идеала подавляла его волю, а сознание ограниченности человеческого разума не восполнялось всецело «живительным началом веры». Да и сам он признавался, что его христианство имело во многом умственный характер и недостаточно затрагивало сердце /вера и рассудок/. Отсюда и возникали несоответствия между взыскуемым нравственным совершенством и реальной жизнью, что и приводило его в привычное невыносимое состояние отчаяния и тоски.

Вот отрывки из его писем: « В том настроении духа, в которое я постоянно впадаю, мне невыносимо все, что вгоняет меня в самого себя, и вот потому из всех болезней я охотно согласился бы на одну - окончательную, последнюю, от которой уже нельзя перейти в себя.

«Человек так глупо создан, что вопреки своему сто раз познанному, испробованному бессилию и собственной беспомощности он все-таки воображает, что своим присутствием ему удастся оградить и как бы застраховаться от беды тех, кого он любит.

Тютчев был одним из самых последовательных искателей истины. Положительным примером для Тютчева могла служить «истинная жизнь» Жуковского, чьи христианские воззрения могли смягчить «мучительный страх перед брэнностью бытия». «Не вы ли сказали: в жизни много прекрасного и кроме счастья, - писал Тютчев Жуковскому. – В этом слове есть целая религия, целое откровение... Но ужасно для бедного человека отречься навсегда от счастья». «Бедное человеческое сердце» побеждало убеждение:

Когда на то нет Божьего согласия,

Как ни страдай она, любя,

Душа, увы, не выстрадает счастья...

и направляло к поискам счастья. Но даже любовь оказывалась всего лишь сном, мгновением, «роковым поединком», неся с собой не свет и гармонию, а «взрывы и слезы страстей» (О, как убийственно мы любим») Ал. Лаврецкий считал, что Тютчев – неверующий Фома русской поэзии. Неверие апостола Фомы не исключало же его религиозности; не исключало оно и религиозности Тютчева. Убежденный мыслитель брал верх в борьбе поэзии Хаоса с религиозным убеждением. Тютчев не был бойцом. Он был лишь кающимся грешником, взыскующим благодати».

От несправедливости невозможности избавиться без подлинного религиозного преображения человеческого сердца. Всецело преклоняясь умом перед высшими истинами веры, он, в отличие от Жуковского, не

находил ей достаточно места в сердце: «Да, в недрах моей души – трагедия, ибо часто я ощущаю глубокое отвращение к себе самому и в то же время ощущаю, несколько бесплодно это чувство отрицания, т.к. эта беспристрастная оценка исходит исключительно от ума, сердце тут ни причем, ибо тут не примешивается ничего, что походило бы на порыв христианского раскаяния».

В. Кожин справедливо полагал, что, судя по внешним признакам, «Тютчев жил на грани веры и безверия». Христианин в душе, он знал моменты неверия или маловерия – свойства, несовместимые в одном человеке. Но эти противоречия были неотъемлемой частью сложной души поэта, которого трудно (как и Россию) понять умом – его можно чувствовать и удивляться его таланту.

Строкам, рисуящим раздвоение и смятение души, противостоят строки, которые можно определить как гимн вере («Чему бы жизнь нас ни учила»).

Если исходить из слов Гоголя: «Поэзия – это незримая ступень к христианству», то можно с уверенностью говорить о том, что Тютчев уверенно поднимался по этим ступеням вверх. Другой вопрос в том, «можно ли перейти от творчества совершенных произведений к творчеству совершенной жизни?» /Тема Бердяева/

Н. Гоголь в «Авторской исповеди» /сочинения Гоголя, найденные после его смерти С. Шевыревым/ писал: «Я не знал ещё тогда, что тому, кто пожелает истинно честно служить России (мы хорошо знаем о службе Тютчева Отечеству) нужно иметь очень много любви к ней, которая бы поглотила уже все другие чувства, нужно иметь очень много любви к человеку вообще и сделаться истинным христианином во всем смысле этого слова». В апреле 1873 г., незадолго до смерти, Тютчев писал: «Никогда ещё борьба между добром и злом, составляющая основу жизни мира, не была ни более острой, ни более драматичной». Зрелище движущей Истории поэт всегда воспринимал не столько как объект беспристрастного познания, сколько именно как острую и драматичную борьбу добра и зла – борьбу, которая составляла и подлинную основу его собственной жизни.

Большой интерес проявил Тютчев к книге А. Хомякова «Сочинения богословские» (Сочинения Хомякова помогли Анне Тютчевой принять православие), тем более, что поводом для написания некоторых статей этой книги послужила статья самого Тютчева «Папство и Римский вопрос». Хомяков доказывал превосходство православия как «истинного» христианства перед католицизмом и протестантизмом. В качестве председателя Комитета Цензуры иностранной Тютчев заявил протест обер-прокурору Синода против запрещения, наложенного духовной цензурой на продажу пражского издания сочинений Хомякова. С личным уважением относился Тютчев к святителю Филарету, митрополиту Московскому и Коломенскому (1782-1867), в миру Дроздову Василию Михайловичу, канонизированному в 1994 году.

Поэт писал о нём: «Маленький хрупкий, изможденный..., однако со взором, полным жизни и ума, он господствовал над всем происходящим вокруг него, благодаря бесспорной нравственной силе».

Тютчев был глубоко убежден, что между самовластием человеческой воли и законом Христа невозможна никакая сделка. «Человеческая, природа, - писал он незадолго до смерти, - вне известных верований, преданная на добычу внешней действительности, может быть только одним: судорогою бешенства, которой роковой исход – только разрушение. Это последние слова Иуды, который, предавши Христа, основательно рассудил, что ему остается лишь одно: удавиться». О том, насколько владела сознанием поэта и варьировалась мысль о судорогах существования и иудиной участи отрекшегося от Бога и полагающегося на собственные силы человека можно судить по его словам, переданным А.В. Плетнёвой: «Между Христом и бешенством нет середины». Тютчев, как и Достоевский (образ Ставрогина в «Бесах») считал, что без веры в Бога невозможны нормальное развитие, гармоничный ум и подлинная жизнеспособность человека, личности, общества, государства, ибо именно в ней удовлетвориться глубинная, более или менее осознанная, потребность человека в обретении не теряемого со смертью смысла жизни, естественно укрепляются духовные начала и утверждается высшая нравственная норма бытия. В свете вечности, безусловных ценностей и неколебимой разумности и обретается человеческое в человеке, который тогда не довольствуется собственной греховной природой и стремиться к её преобразению.

Забывая Бога, человек утрачивает высшую нравственную норму бытия, истинную свободу, теряя способность постоянного различения добра и зла и становится «бешеным», ибо безысходно блуждает в поисках иллюзорного бессмертия и подлинно разумного оправдания жизни. Если нет Бога и высшего смысла, то их место занимают смерть и нигилизм, а личность предает самое себя, лишается бесконечного содержания, опустошается в обманчивой погоне за «счастьем», желает урвать всё от кратковременной жизни.

Для Тютчева христианство – наиболее сильное в человеческой истории отрицание личного начала, революция «лична», следовательно – противна христианству. Первейшее революционное чувство: «высокомерие ума».

«Чувство смирения и самоотвержения, составляющее основу христианства, она (революция) намерена заменить духом гордости и самоутверждения» Тютчев посещал процессы (начиная с 1 июля 1871.) над участниками студенческих волнений и членами анархического тайного общества «Народная расправа, организованного С.Г. Нечаевым. – «Что касается самой сути процесса, то она возбуждает целый мир тяжелых мыслей и чувств. Зло пока ещё не распространилось, но где против него средство? Что может противостоять этим заблуждающимся, но пылким убеждениям власть, лишенная всякого убеждения? Одним словом, что может противостоять революционному материализму весь этот пошлый правительственный материализм? (А.Ф. Аксаковой. 1871).

Аксаков в «Биографическом очерке»: «Революция – враг христианства, она одушевлена антихристианским духом. Человеческое «я», хотящее зависеть только от самого себя, не признающее, не принимающее никакого закона, кроме собственного изволения, поставляющее себя вместо Бога. С тех пор революция, несмотря ни на какие метаморфозы, осталась верна своей природе, но никогда она не чувствовала себя в такой степени самой собою, так искренне проникнутой антихристианским духом, именно тогда, когда присвоила себе лозунг христиан: братство. На место духа смирения и самоотречения – в чем самая сущность христианства – она водворяет дух гордости и преобладания; на место любви свободой и добровольной – любовь вынужденную; взамен братства, проповедуемого и воспринимаемого во имя Бога, – братство насильственное, налагаемое страхом. Идеал общечеловеческого единства преподан христианством, и путь к нему в христианстве и через христианство. Для революции узы народности так же ненавистны, как и узы семейные, всякие нравственные узы: её главнейший враг – христианство. Революция – религия безверия».

Тютчев: «Корень нашего мышления не в умозрительной способности человека, а в настроении его сердца. В современном настроении преобладающим аккордом – это принцип личности, доведенный до какого-то болезненного неистовства. Вот чем мы все заражены, все без исключения, – и вот откуда идёт это повсеместное отрицание Власти, в каком бы то виде ни было. Для личного произвола нет другого зла, кроме Власти, воплощающей какой-либо принцип, определяющей его, и вот почему блаженны нигилисты, тии бо наследят землю до поры до времени (И.С. Аксакову. 1871) вот почему один из ударом был направлен на церковь. Тютчеву ненавистен дух отрицания, насилия, деспотизма, безверия, самообожания человеческой личности, освобожденной от нравственных идеалов и уз, не признающей ничего выше себя, выше своего ограниченного разума и животной природы.

Ал. Хомяков: «Тютчев первый осветил историческую жизнь Запада светом русской, христианской, православной мысли, – первый заговорил с Западным обществом языком русского и православного.

-Никакого принципа власти в наши дни не может существовать для общества, которое было христианским и перестало им быть – основной тезис исторического мирозерцания Тютчева. Окончательный удел всякого христианского общества, отрекшегося от Христа, есть бунт или революция. Революция вынуждена прибегнуть к террору, и во имя свободы, равенства и братства явила миру такую чудовищность деспотизма – новейшая современная мысль, освобождая человека из-под власти Божией, отнимает тем всякий авторитет у власти земной, какая бы она ни была».

Убеждение в вечной ценности религиозного – христианского – мировоззрения не оставляют Тютчева никогда. И страдание, и отчаяние увеличивалось оттого, что он не мог жить по этому убеждению, что поступал вопреки ему. Он переживал двойное бытие острых запросов властных страстей и религиозного сознания то поочередно, то одновременно.

По свидетельству Аксакова, Тютчев не боялся смерти, но жалел о жизни, дорожил живым. Ещё в начале болезни он исповедовался и приобщился Святых Тайн, охотно беседовал с некоторыми знакомыми священниками, которых удивлял верностью и глубиной своих суждений о христианстве и церкви. В долгие часы своих страдальческих бессонных ночей он разговаривал с ухаживающей за ним сестрой милосердия, терпеливо слушал её чтения из священных книг. Но, признавая суетность и бренность всего земного, сам он, пока оставался на земле, не мог, не хотел отказываться и не отказывался ни от какого живого человеческого интереса.

Русский мыслитель Иван Ильин, осмысливая национально-патриотическое чувство в работе «Россия в русской поэзии», предложил наиболее глубокое, проникновенное осмысление знаменитого тютчевского стихотворения «Эти бедные селенья...» «Эта духовная Россия, о жизни которой мы знаем всего только, увы, за 1 тысячу лет, но которая жила и 2000 лет тому назад, она-то и есть глубже всего наша детская колыбель; вскормившая нас духовная и незримая природа; наше духовное, отеческое гнездо; наше духовное национальное жилище. Это Россия духовная «научила нас, молится такими дивными молитвами, как в поэме «Иоаны Дамаскин» молится А.К Толстой. Так, как это выражено у Тютчева в стихотворении «Эти бедные селенья...»

В 1858 г. Тютчев пишет дочери Екатерине: «Сегодня вечером я рассчитываю отправиться к заутрене в Зимний дворец, хотя местный колорит совершающегося там богослужения, несомненно, менее всего способен напомнить об истинном значении события, в честь которого совершается это богослужение. Ибо можно ли представить себе Господа нашего восставшего из своего гроба в присутствии всех этих мундиров и придворных туалетов, обладатели коих всецело поглощены не воскресением Христовым, а совсем иным - переходящим из рук в руки указом о награждении и наградах».

Покрасова Лариса Николаевна,
заместитель директора МБУК «Централизованная библиотечная
система» Городского округа Балашиха
(Московская область)

Увлеченные творчеством Ф.И. Тютчева
(обзор сборника творческих работ лауреатов и участников конкурса
«Ф.И. Тютчев и Россия: пророк в своем Отечестве»)

В декабре 2019 г., как раз к моменту проведения традиционного литературного фестиваля «И верит сердце в правду и любовь» в рамках проекта «Тютчевские дни на балашихинской земле», вышел в свет сборник творческих работ лауреатов и участников конкурса «Ф.И.Тютчев и Россия: пророк в своем Отечестве», который проходит в городском округе Балашиха с 2006 года.

Основу сборника составляют лучшие, самые яркие поэтические и прозаические работы конкурсантов, в которых они выражают личностное отношение к великому поэту, проявляя в каждом сочинении оригинальность мысли и суждений, творческую фантазию, глубокий содержательный анализ творчества Ф.И. Тютчева, индивидуальное прочтение вечных произведений поэта, чья поэзия по праву считается драгоценным достоянием национальной литературы.

Стоит отметить, что настоящий сборник является результатом долголетней, системной творческой работы библиотечных специалистов, учителей, школьников и студентов, поэтов и писателей, работников культуры и всех, кто неравнодушен к литературному наследию великого русского поэта Ф.И. Тютчева. Сборник-свидетельство огромного потенциала жителей города, особенно подрастающего поколения, раскрытия их литературных способностей, увлеченности поэзией Ф.И. Тютчева и возможности ее популяризации через собственное творчество.

Сборник вышел в год 20-летия присвоения Центральной городской библиотеке имени великого русского поэта, мыслителя, гражданина и патриота земли русской Ф.И.Тютчева. Большой опыт работы коллектива библиотеки подтверждает, что интерес к творчеству поэта не пропадает у современных читателей, и многие из них становятся активными участниками учрежденного в 2006 г. литературного конкурса «Ф.И.Тютчев и Россия: пророк в своем Отечестве». А самые лучшие работы талантливых земляков отмечаются муниципальной литературной премией имени Ф.И.Тютчева, утвержденной Советом депутатов в 2007 г., и публикуются в декабрьском номере литературно-публицистического журнала «Балашиха: голоса сердец».

Надо особо сказать, что учреждение в Балашихе муниципальной литературной премии имени Ф.И.Тютчева- столь высокой и значимой награды-свидетельство проявления внимания и заботы к вопросам сохранения и развития культуры со стороны Администрации и Совета депутатов Городского округа Балашиха. Согласно Положению о премии, она присуждается один раз в два года в двух возрастных категориях: дети, подростки и молодежь до 20 лет включительно и взрослое поколение от 21

года. Учреждены по три денежные премии: первая- 20 тыс. руб.; вторая- 15 тыс. руб.; третья-10 тыс. руб.

Долгие годы председателем конкурсной комиссии, оценивающей представленные на конкурс работы, был Г.В.Чагин, известный писатель-тютчевед, доктор филологических наук, лауреат Всероссийской премии им. Ф.И.Тютчева «Русский путь». С 2011 г. по настоящее время конкурсную комиссию возглавляет С.С.Куняев, заведующий отделом критики журнала «Наш современник», член Правления Союза писателей РФ, известный и авторитетный писатель и литературовед.

За прошедшие годы свои творческие работы на конкурс подали около 300 человек. В настоящий сборник вошли 58 лучших работ, отобранных редколлекцией. Есть среди них и замечательное исследование вашей землячки Н.Н. Нифагиной, кандидата филологических наук, доцента Брянской государственной инженерно-технологической академии, посвященное Ф.Ф. Тютчеву к его 150-летию. Очень дорог нам художественный труд большого друга библиотеки, учителя русского языка и литературы, трагически погибшего И.В. Травникова (П.Касимов), который по единогласному решению конкурсной комиссии был отмечен в 2006 г. Гран-при. Работа называется «Разговор с Эрнестиной». Кстати, полученную премию автор передал на развитие музея Ф.И. Тютчева при библиотеке. В сборник вошли наряду с произведениями профессиональных писателей-участников литературного конкурса и работы совсем юных авторов, которые только открывают для себя имя, творчество и деятельность великого поэта, направленные на возвеличивание России как неповторимой страны, особой державы, ее замечательного народа.

Представляют сборник, высказывают свое мнение о конкурсных работах и искренне поддерживают деятельность библиотеки С.В. Шарцева, начальник Управления культуры Администрации Городского округа Балашиха, М.А. Чернова, ответственный секретарь журнала «Балашиха: голоса сердец», С.С. Куняев, председатель конкурсной комиссии, Н.Ф. Крылова и Л.В. Казакова, члены конкурсной комиссии.

Особые слова благодарности хочу выразить балашихинским библиотекарям, ведь именно они во многом помогали созданию творческих конкурсных работ, подбирали необходимые книги и материалы, направляли профессиональный поиск авторов, редактировали и рецензировали готовые работы.

Сменяются поколения, но не иссякает интерес к творчеству Ф.И.Тютчева: каждое находит созвучие своему времени. Жизнь диктует необходимость нового осмысления наследия поэта, которое остается символом великого культурного и политического потенциала России.

Приглашаем к участию в литературном конкурсе всех любителей и почитателей творчества Ф.И.Тютчева и надеемся, что все вместе мы будем высоко нести знамя тютчевской поэзии в XXI веке.

Филиппова Татьяна Викторовна,
заведующая Библиотекой № 148 имени Ф.И. Тютчева ГБУК г. Москвы
«ЦБС ЮАО», Почетный работник культуры города Москвы
(Москва)

***Имя поэта – библиотеке: популяризация жизни и творчества поэта
Ф.И. Тютчева в рамках проекта «Поэт гармонии и красоты»***

Библиотека № 148 имени Ф.И.Тютчева ведет свое начало с 1938 года. В 1983 году, по инициативе бывшего директора ЦБС Советского района города Москвы - Некрасовой Нелли Викторовны, тогда еще – Центральная Библиотека № 165 включилась в активную работу по пропаганде творчества Ф.И.Тютчева - за право носить его имя. Большую помощь в данной работе библиотеке оказывали сотрудники музея-усадьбы в Мураново и тютчевед Геннадий Васильевич Чагин. По Постановлению Совета Министров РСФСР от 21 августа 1984 года имя Ф.И.Тютчева библиотеке было присвоено.

За 36 лет последующей работы наша библиотека сформировала тютчевский фонд – и здесь мы особое спасибо опять же говорим Геннадию Васильевичу Чагину, который по крупницам рекомендовал, отовсюду привозил и большей частью дарил книги нашей библиотеке. Библиотека № 148 имени Ф.И.Тютчева обладает небольшой коллекцией тютчевского фонда, но каждое издание, связанное с его именем, библиотека обязательно старается приобрести для будущих поколений читателей, и мы не отчаиваемся, вспоминая мудрые строки - «Вот эта книжка небольшая - томов премногих тяжелей».

За 36 лет было много - и успехов, и не очень удачных моментов в пропаганде творчества поэта нашей библиотекой. Но у нас всё-таки накопился определенный опыт; имеются постоянные друзья, помощники среди читателей, деятелей культуры и отдельных организаций. Все 36 лет были насыщены событиями, мероприятиями, юбилейными датами, творческими вечерами и встречами с поэтами, продолжателями традиций тютчевской поэзии, такими как Людмила Щипахина, Андрей Дементьев. Наши читатели встречались с Кириллом Васильевичем Пигаревым, правнуком и биографом Ф.И.Тютчева - и мы гордимся, что у нас имеется его автограф.

Наш Тютчевский зал мы постарались оформить в стиле салонного дизайна (шторы, картины), но современность проглядывает отовсюду, потому что данное помещение – это и читальный зал с современной информационной техникой. Что не мешает, а только помогает библиотеке реализовывать свой проект «Поэт гармонии и красоты: Ф.И.Тютчев». Тютчевская тема в работе библиотеки помогает понять читателям, особенно юному поколению, как богат мыслью, незаурядными чувствами и своим отношением к судьбе России такой титан русской культуры, как Федор Иванович Тютчев.

С вестибюля библиотеки мы начинаем экскурсии для наших читателей. Здесь представлена портретная галерея семьи Федора Ивановича – его

родителей, жен, детей... На информационном стенде представлены наши планы, программы по популяризации жизни и творчества Тютчева, а также ежегодно Справочно-библиографический отдел библиотеки выпускает рекомендательный список литературы «Тут целый мир, живой разнообразный».

В Тютчевском зале действует постоянная экспозиция - «У него в душе витала вечная весна», знакомящая читателей с жизнью и творчеством поэта. Имеется в экспозиции и полочка – о Мураново, Овстуге и других памятных местах, связанных с именем поэта.

В 2000 году библиотеке дочерью художника Ф.И. Константинова была передана в дар его гравюра «Федор Иванович Тютчев», в настоящее время гравюра занимает в библиотеке центральное место. А картины-пейзажи на стенах художника М.С. Решетнева – это тютчевские места. Бюст Ф.И. Тютчева был изготовлен скульптором В.Е. Далецким.

Имя Ф.И. Тютчева присутствует во всех отделах нашей библиотеки. На абонементе оформлена выставка «Тютчевиана», и - Тютчевская скамейка, оформленная и для уединенного чтения, и при проведении крупных мероприятий – для тематической фотосъемки... У выставок постоянно проводятся обзоры, беседы, разговоры о поэзии; здесь же разворачиваются дискуссии о неоднозначной, но бесспорно интересной, насыщенной и талантливой жизни нашего замечательного русского поэта Ф.И.Тютчева. К юбилею поэта, совместно с окружным телевидением , провели социологический опрос « Знаете ли Вы Тютчева ...»

С 2020 г реализуется проект аудиогид по пространству библиотеки, развивается активная деятельность и в социальных сетях. Записаны подкасты, которые будут выходить каждую субботу, начиная с 3 октября. Сетка подкастов: «Чуть-чуть про Тютчева» Темы публикаций: **Тютчев-дипломат, Тютчев на самоизоляции, Тютчев-поэт, Тютчев-ловелас, Тютчев-консерватор, Тютчев и современность и др.**

В период самоизоляции освоили прямые эфиры в Инстаграмме. Одна из тем была посвящена Ф.Ф.Тютчеву-сыну поэта, которому в этом году исполняется 160 лет.

Если бы не помощь нашей библиотеке тютчеведа Г.В.Чагина, то бесценный опыт прожитых лет Ф.И.Тютчева, не стал бы таким понятным всем категориям наших читателей.

Для старшеклассников по специальной программе многие годы ведутся тютчевские чтения «Другое солнце светит нам», в рамках которых организовываются конкурсы чтецов тютчевских стихотворений, проводятся экскурсии по тютчевским местам, создаются буктрейлеры по произведениям поэта. Совместно с Музеем–Усадьбой Мураново работает лекторий, большим успехом пользуются передвижные выставки из фондов музея. (Прижизненные портреты Ф.И. Тютчева, Дочери поэта, И.Ф. Тютчев и др.) Для москвичей проводятся театрализованные экскурсии с элементами интерактива по тютчевским местам Москвы . Надо отметить, что к поэту растет интерес и среди молодежи. Нас приглашают в колледжи , институты ,

мы участвуем в проекте «Литературные гостиные в цифровую эпоху. Библиотека представляла тему «Тютчев и Москва. Армянский переулок 11» и среди 32 библиотек заняли первое место. Это совместный проект института русского языка им. А. С. Пушкина и депутата Государственной Думы Л.Н.Духаниной

В литературно - музыкальном салоне библиотеки «Духовный жемчуг» для остальных категорий читателей проводятся литературные встречи, литературно-музыкальные композиции, тематические вечера, рассказывающие о жизни и творчестве Ф.И.Тютчева, по темам: «Ф.И.Тютчев и русская природа», «Звучащая поэзия Ф.И. Тютчева», «О, как убийственно мы любим!..», «Тютчевская Москва», «Всё то же в Вас очарование...», «О, время, погоди...!», «Любовью воздух растворен», «Я встретил Вас» и многое другое.

Читатели нашей библиотеки ждут декабрьских вечеров ко дню рождения Ф.И.Тютчева. Они сопровождаются слайд-шоу, приглашаются композиторы, поэты, артисты, учащиеся музыкальных школ... Мы очень стараемся, чтобы читатели видели в личности и творчестве Федора Ивановича Тютчева – не только романтично любящего мужчину, но и эколога, политика, историка и глубоко верящего в Бога человека.

Среди читателей библиотеки есть талантливые люди, пробующие свои силы в стихах и прозе. Мы всегда надеемся, что они могут стать достойными продолжателями традиций русской поэзии и умением владеть словом, так, как это мог делать Федор Иванович Тютчев. В библиотеке очень плодотворно работает литературное объединение «Чонгарский бульвар», уже выпущено 10 альманахов их творчества. Руководитель - член Союза писателей России, поэт Светлана Комракова. С 2014 года при литературном объединении создано детское отделение – «Проба пёрышка». Благодаря участникам нашего Литературного объединения, библиотека награждена медалью к 200-летию Михаила Юрьевича Лермонтова. Тютчев и Лермонтов – современники, незаурядные поэты, дышали одним российским и московским воздухом. И мы гордимся этой медалью.

В России имя поэта Ф.И.Тютчева присвоено, кроме Москвы, и библиотекам в Брянске и Балашихе Московской области. Благодаря тютчеведу Чагину Г.В. между библиотеками осуществляются творческие связи по обмену опытом, в проведении телемостов, юбилейных вечеров, посвященных Ф.И. Тютчеву. В 2014 году наша библиотека за популяризацию творчества нашего любимого поэта награждена медалью имени Ф.И. Тютчева – от Литературного фонда «Дорога жизни». Эта медаль для нас очень дорога. Она как будто открывает второе дыхание, даёт надежду.

А в планах у нас - создание Мультиформатной медиасреды по жизни и творчеству Ф.И. Тютчева (текст биографии в электронном формате, иллюстрированный путеводитель к ней, одноименный фильм, аудиокнига, форумы фан-клуба читателей и т.д.)

